

Жасмина Савич

**Россия предаёт Пушкина:
тайная порнография
Михаила Армалинского**

M.I.P. Company
Minneapolis
2025

Жасмина Савич (Jasmina Savic)
Россия предаёт Пушкина:
тайная порнография Михаила Армалинского

Перевод с английского Михаила Армалинского

M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2025 – 111 с. илл.

Электронная книга

ISBN 978-0-916201-62-3 (ebook)

© 2025 Жасмина Савич (Jasmina Savic)

© 2025 Михаил Армалинский (Предисловие переводчика и перевод с английского)

© 2025 M.I.P. Company, Minneapolis, Minnesota USA

Книга является переводом с английского первой главы диссертации (2019) американского профессора Жасмины Савич (Jasmina Savic) *Porno Ludens: Soviet Literary Pornography, 1970s – 1990s*. В диссертации исследуется творчество Михаила Армалинского, Эдуарда Лимонова, Владимира Сорокина и Виктора Ерофеева, и первая глава посвящена работам и личности Михаила Армалинского. В этой главе уделяется особое внимание *Тайным запискам 1836-1837 годов А. С. Пушкина* и *Парапушкинистике* – книгам, которые, как доказывает автор, существенно повлияли на подрыв советской идеологии.

Также исследуется философия секса в текстах Армалинского и её отражение в этих двух книгах.

Именно глава о Михаиле Армалинском представляет исключительный интерес, а потому было принято решение издать её перевод отдельной книгой.

M.I.P. Company

<http://www.mipco.com>

mp@mipco.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика.....	4
Последний абзац из <i>Вступления</i> к диссертации.....	7
Россия предаёт Пушкина: тайная порнография Михаила Армалинского... 8	
Публикация книги Пушкина <i>А. С. Тайные записки 1836–1837</i>	14
Пушкинистика vs. порнография / Пушкиномания vs. эротомания.....	27
Парапушкинистика.....	39
Да здравствует коммунизм и свобода!.....	48
Кто он, товарищ Армалинский?.....	50
Новый порно-человек – сказка в советском стиле.....	64
Тайные записки изданы в России! И что после этого происходит.....	70
Тайные записки Армалинского.....	75
Заключение.....	90
Дополнения.....	96
Из вступления к диссертации. <i>Порнография на закате СССР</i>	96
Фотография Жасмины Савич на презентации доклада.....	99
Обложки книг Армалинского, использованных для диссертации.....	100

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Прежде всего, хочу предупредить, что книга эта публикуется без ведома автора Жасмины Савич. Делаю я это для того, чтобы всякая там филологическая и издательская сволота по обе стороны океана не стала ей предъявлять какие-либо претензии или обвинения.

В 2019 году Жасмина Савич (Jasmina Savic) защитила докторскую диссертацию на английском языке под названием *Porno Ludens: Soviet literary pornography, 1970s – 1990s*, а в переводе на русский: “*Порно игры: Советская литературная порнография 1970-1990 годов*”.

Речь в диссертации идёт обо мне и о моих вещах, а также об Эдуарде Лимонове, Владимире Сорокине и Викторе Ерофееве.

Так как первая глава, что обо мне – самая значительная, наиболее глубоко копающая и чрезвычайно остроумная, я решил её опубликовать, чтобы открытия Жасмины не были замолчаны или, хуже того – забыты.

Моё общение с Жасминой началось в 2015 году, когда она написала мне письмо, и с тех пор мы активно переписывались, пока она готовила свою диссертацию в университете Иллинойса, что в США.

После триумфальной защиты, диссертация несколько лет держалась в закрытом доступе, целью чего являлась охрана авторских прав от посягательств недобросовестных коллег, ибо цель Жасмины была написать книгу на основе своей диссертации, а потому текст диссертации не мог быть где-то и как-то использован, иначе научные издательства не взяли бы за публикацию книги, куски из которой уже где-то засветились. Издательствам нужны девственные тексты, которые они потом любят истязать своими изощренными методами.

В 2022 году диссертация стала доступна в свободном обращении – см. <https://www.ideals.illinois.edu/items/113900>

И вдруг Dr. Jasmina Savic сообщает мне о своём решении отказаться от написания книги по материалам диссертации. Подробности такого решения мне не известны, но я могу с большой вероятностью предположить, что одно дело – защитить диссертацию на тему порнографии в узком кругу филологов, а другое дело – опубликовать в США книгу о порнографии, которая является табу в нынешнем американском научном обществе, даже если она литературная. (Правда, порнография русская ныне могла бы полюбиться трампистам. Но они, любя Россию, ненавидят порнографию, причём лицемеря и в том, и в другом.)

Моё предположение о невозможности ныне опубликовать книгу о русской литературной порнографии косвенно подтверждается и тем, что Жасмина вскоре после защиты диссертации написала статью о моих литературных делах, однако уже шесть лет статью так и не опубликовали в научном журнале, для которого она предназначалась – некий редактор заставлял автора переделывать статью более (известных мне) пяти раз. По сей день бесконечные требования этого, пока (на его счастье) ещё не известного мне редактора оказываются почему-то не удовлетворены, тогда как Жасмина Савич – талантливый филолог, честный человек и трудолюбивый исследователь.

Как я ей предсказывал, её статью примут к печати только тогда, когда в результате затребованных неисчислимых исправлений и изменений, моё порнографическое мифотворчество в статье превратится в социалистический реализм, а моё имя будет упомянуто только разок да и то лишь в подстрочном примечании.

Похвальная наивность Жасмины Савич, пытавшейся включить моё имя в научный оборот ничего не изменила. Да иначе и быть не могло – если Лимонова, Сорокина и Вик. Ерофеева общество уже разжевало, проглотило и

и усвоило, то есть сделало “своими”, то мною (а я ведь сам не свой) нынешнее общество лишь давится и ранится. И только то будущее общество, которое я напридумал, а Жасмина разбирает по косточкам, сможет со мной “освоиться”.

Разумеется, что для писателя, с точки зрения общечеловеческой, любовь современников желаемая и лестная, но, с точки зрения сверхчеловеческой (Порно-человека, как Жасмина меня именует), она недопустима и отвратительна.

Тем не менее, содержание диссертации, и прежде всего, первой главы обо мне, представляет существенный интерес для филологов, историков и простых смертных, увлекающихся литературой и, уж конечно, для тех, кто завяз в порнографии. Вот почему я не хочу позволить затеряться тексту, который может послужить также эффективной рекламой моей деятельности.

Вот я и перевёл на русский язык первую главу, название которой стало названием самой книги.

Перевод я сделал доступным не только для филологов, а для любого читателя. С этой целью, я очистил текст от обильных научных терминов и заменил их на общечеловеческие слова. Я убрал многократно повторяющиеся *симулякр, дискурс, синекдоха* и т. п. Я разбил многие длинные предложения на короткие, чтобы было легче читать и разбираться в глубоком и высоком смысле. И вообще, я старался использовать русский язык, а не надуманную латынь. В полной мере, мне это не удалось, да и не нужно.

Михаил Армалинский

Миннеаполис 2025

ПОСЛЕДНИЙ АБЗАЦ ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ К ДИССЕРТАЦИИ

Вступление к диссертации завершается заключительным аккордом, который в то же время является прелюдией к первой главе, посвящённой Михаилу Армалинскому:

...мой особый вклад в изучение русской литературной порнографии – это глава о Михаиле Армалинском, которого несправедливо замалчивают и потому ещё нет научных исследований о нём. Так что я делаю открытие этого «великого порно-нарратива» Армалинского, и моё углубленное исследование его порнографической поэтики значительно прояснит и укрепит мои основные тезисы, а именно, что порнографическая литература по сути своей – антисоветская, освободительная и предоставляющая истинную альтернативу советской литературе, открывающая правду своей лингвистической агрессивностью. Причём в порнографической литературе происходит переосмысление культурных и семиотических понятий, которое воспринимается как игра.

Однако, несмотря на то, что эта – игра, которая для читателя часто смешна и забавна, ему, в то же время становится не по себе от описаний сексуальных извращений, бесстыдных манипуляций с человеческим телом, непристойных образов и откровенного женоненавистничества.

Россия предаёт Пушкина: тайная порнография Михаила Армалинского

*«Порнографию можно рассматривать как ураган,
который сметает на своем пути
литературу и искусство вместе с
писателями, поэтами и художниками».*

*«Отношение к порнографии указывает на степень
сексуальной раскрепощенности человека. Чем сильнее его
бунт против порнографии, тем больше у него сексуальных проблем».*

М. Армалинский

Михаил Израилевич Пельцман родился в 1947 году в Ленинграде в еврейской семье. Его семья не была религиозной, и он рос, не ведая о еврейских религиозных традициях и обрядах. Однако с детства Михаил испытывал советский антисемитизм в полной мере. Согласно его автобиографическим записям, именно советское государство официально обозначило его как «еврея»: «Мое понимание и ощущение еврейства обосновывалось не иудаизмом, а графой «национальность» в паспорте».¹

В подростковом возрасте Михаил писал стихи, читал всё, что попадалось ему под руку, и к концу средней школы начал мечтать о карьере в литературе. Поступить на филологический факультет Ленинградского университета было для него невозможно из-за «еврейской квоты» (процента евреев, принимаемых в высшие учебные заведения). Вместо этого Пельцман выбрал инженерное дело, область, в которой еврейский ум считался нужным и полезным для строительства коммунизма. Он окончил Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина) – ЛЭТИ – но его

¹ Михаил Армалинский, *Максимализмы*, М.: Ладомир, 2013, с. 374.
<http://www.mipco.com/win/Max.html>

совершенно не влекла профессия инженера. С другой стороны, его любовь к литературе и писательству только росла. Свою неприязнь к инженерству он описал уже в зрелом возрасте:

*«Я не люблю инженерию и машины. Они просто являются средством для добычи денег и комфорта. Мой отец как-то сказал мне, что лучше быть плохим инженером, чем плохим поэтом. Так я стал плохим инженером и неплохим поэтом».*²

Осознавая препятствия, с которыми еврейский писатель сталкивался в Советской России, и понимая, что никто и никогда не будет его печатать с фамилией Пельцман, Михаил придумал псевдоним Армалинский (*Максимализмы*, 411). Но псевдоним не помог, и его первые поэтические книги были опубликованы лишь в самиздате.³

Хотя у него было много причин покинуть СССР, Армалинский не верил, что он сможет оставаться русским писателем за пределами России, и это некоторое время удерживало его от эмиграции. В двадцать девять лет, в 1976 году, Армалинский преодолел страх и покинул Советский Союз вместе с своей младшей сестрой. Они сначала прибыли в Вену, и затем прожили три месяца в Риме, прежде чем они, наконец, прилетели в Соединенные Штаты. В 1977 году, благодаря помощи друга отца, их приняла еврейская община Миннеаполиса. Через девять месяцев после приезда к ним присоединились родители. На воссоединение семьи Пельцман потребовался срок, подобный сроку беременности, который знаменует начало второй жизни Армалинского

² Из личной переписки с Армалинским, 29 июня 2015 г.

³ *Вразумленные страсти* 1974, <http://www.mipco.com/win/str.html>
Состояние 1975 <http://www.mipco.com/win/sost.htm> и
Маятник 1976 <http://www.mipco.com/win/mayat.html> .

Жизнь № 2 и рождение Михаила Армалинского-порнографа.⁴ Только в Америке он почувствовал себя настоящим писателем:

Как важно было преодолеть заблуждение того времени, потому что именно благодаря иммиграции в США я смог написать самые интересные вещи.

С тех пор он ни разу не был в России и до сих пор в восторге от разлуки с ней:

*...радуюсь: до чего же хорошо, что она – там, а я – здесь.*⁵

В Штатах Армалинский не мог зарабатывать на жизнь литературным трудом. Он и его отец организовали фирму, которая стала изготавливать машины, изобретенные отцом ещё в СССР.⁶ Параллельно с этой работой Армалинский активно занимался тем, что было для него действительно важно: женщинами, сексом, литературой. Свобода слова и свободомыслие Америки преломлялись в литературу Армалинского как стремление к новому непристойному литературному языку. Его поиски необузданной сексуальной свободы и раскованного литературного языка не прекращались даже после многочисленных досадных контактов с издателями, которые не желали публиковать его произведения.

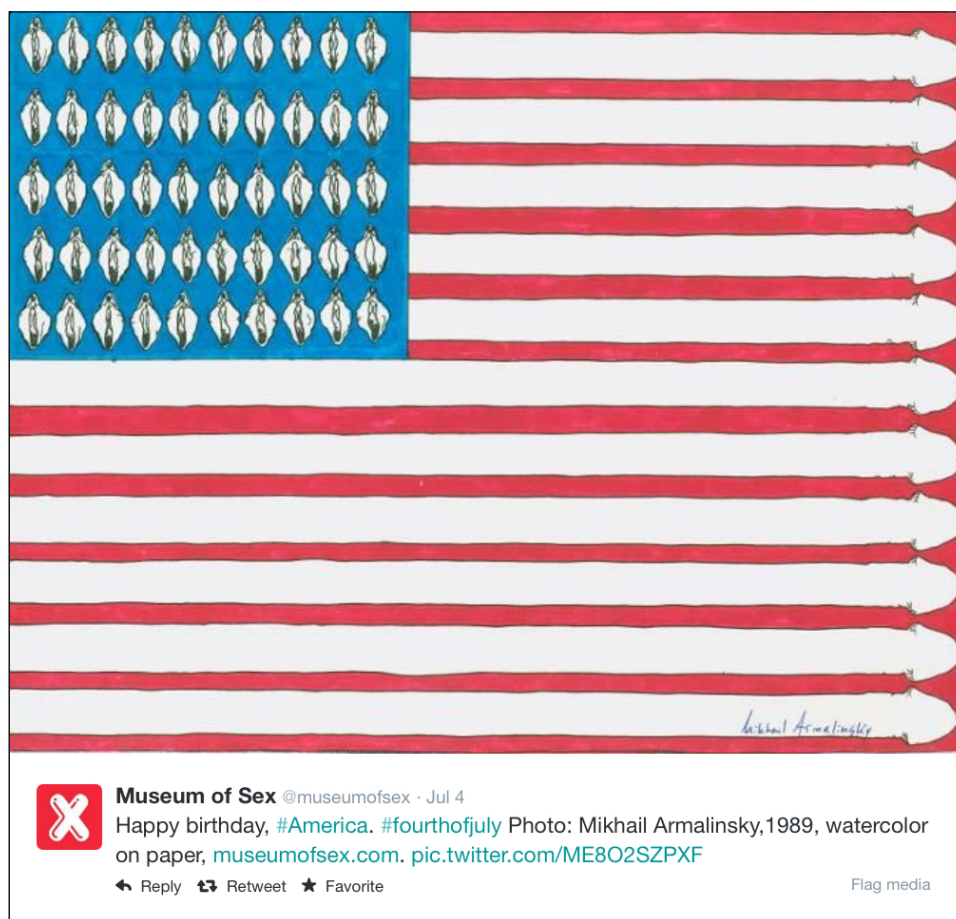
В 1984 году у него возникла идея основать собственное издательство, M.I.P. Company, где он начал публиковать русскую эротическую и

⁴ В *Максимализмах* Армалинский отмечает время в Советской России как свою 1-ю *Жизнь Жизнь № 1*, а время в США как свою 2-ю *Жизнь Жизнь № 2*. Перешагнув американскую границу, Армалинский воскликнул: *Я перешел границу между моей старой и моей новой жизнью (Максимализмы, 494).*

⁵ *Максимализмы, 413.*

⁶ Peltsman Corporation была основана в 1978 году. После смерти отца Армалинский продолжил управлять компанией самостоятельно.

порнографическую литературу.⁷ Он стал издавать порнографическую литературу не только свою собственную, но и других авторов.⁸

Генитальный флаг США Михаила Армалинского,
приобретённый Музеем Секса в Нью-Йорке

⁷ М.И.Р. – это его полное имя Михаил Израилевич Пельцман. Армалинский объясняет причины создания собственного издательства: *Я никогда не хотел просить об издании своих вещей и подчиняться чужим условиям, а хотел иметь свое собственное издательство, ... и делать то, что я хочу.* (Частная переписка, 20 июня 2015 г.).

⁸ Некоторые из его книг, опубликованных М.И.Р. Сохрану: сборник рассказов *Мускулистая смерть* (1984), сборник стихов *По обе стороны оргазма* (1988), роман *Добровольные признания – вынужденная переписка* (1991), *Русские бесстыжие пословицы и поговорки* (1995), а также сборник рассказов, сказка и эссе *Гонимое чудо* (1996).

В 1989 году он опубликовал *Соитие, Первый альманах русской эротической литературы*.⁹

В 1999 году он начал издавать интернет-журнал *General Erotic (GE)*, название которого является пародией на названия *General Electric* и других компаний со словом *General (Food, Dynamic, Motors* и т. д.). Для этой цели Армалинский разработал специальный «генитальный флаг США».

GE – это проект, призванный отразить жизнь Армалинского, как публичную, так и личную:

*GE (mipco.com/win/GEr.html) – это моя автобиография, мой личный дневник, поэтому, прочитав его, вы сможете получить истинное представление о моём литературном бытии*¹⁰

В 2011 году Армалинский создал виртуальный *Храм гениталий*, сайт знакомств, где согласно правилам, разработанным самим Армалинским прихожане храма размещают фотографии своих гениталий и

знакомятся друг с другом не по имени, возрасту, лицу или по финансовому положению, а по волшебному облику половых органов, которые поистине уравнивают всех в наслаждении.¹¹

Армалинский утверждает, что его «Храм гениталий» был призван осуществить точный и честный подход к человеческому желанию совокупления:

Если женщина покупает дилдо без лица и тела, это означает, что она может получить живой дилдо здесь и выбрать его на сайте. То же самое

⁹ Вышел только один выпуск альманаха.

¹⁰ Личная переписка с Армалинским, 21 июня 2015 г.

¹¹ *General Erotic N38* <http://www.mipco.com/win/GEr38.html>

относится и к мужчинам: если вы смотрите порно, не видя лица женщины и её тела, любясь зрелищем её раздвинутых ног, то вы должны быть рады проделать это вживую.¹²

Армалинскому пришлось закрыть *Храм Гениталий*, потому что он оказался слишком убыточным.

Помимо всех его попыток получить признание различными новаторскими проектами, Армалинский привлек наибольшее внимание общественности как издатель одной книги, которая станет одним из его главных авантур в «живом порно».

¹² Личная переписка, 5 июля 2015 г.

Публикация книги Пушкина А. С. Тайные записки 1836–1837

Американская публикация компанией М.И.Р. в 1986 году книги А. С. Пушкина *Тайные записки 1836–1837 годов*, породила одну из самых противоречивых книг в истории русской порнографии, которая за последние три десятилетия вызвала многочисленные критические отклики, громкие обсуждения и нескончаемые споры в СССР, России и других странах.¹³

Книга подаётся как интимные заметки Пушкина, написанные в последние месяцы его жизни. В ней Пушкин описывает свои сексуальные приключения и фантазии, раскрывает секреты своего супружеского ложа, рассказывает о своих любовных свиданиях с разными женщинами и подробно излагает свои мысли о браке, моногамии и верности.

Все эти эпизоды и размышления переплетены и связаны между собой ярко изображенными порнографическими сценами орального, анального и вагинального секса, вуайеризма и оргий. Из-за такого оскорбительного и дерзкого текста, приписываемого классику Пушкину, книга компрометирует как советскую, так и постсоветскую культуру, а также мораль советской интеллигенции и честь пушкинистов. А потому *Тайные записки* раскрывают самую темную сторону советской и российской цензуры.

¹³ Армалинский опубликовал английский перевод как *Pushkin A. S. Secret Journal 1836–1837*. Я предпочитаю переводить это произведение как *Secret Notes*, поскольку так переводятся *Записки (Notes)* многих авторов в русской литературе и возникает важная символическая связь между творчеством Армалинского и русским литературным прошлым. *Тайные записки* вписываются в литературный канон, находя своё место среди *Записок из подполья* и *Записок из мертвого дома* Достоевского, *Записок охотника* Тургенева и т. д.

Главная цель этой главы – рассмотреть природу порнографической риторики Армалинского и её реализацию внутри и вне литературы в позднем и постсоветское время.

В своем анализе я сделаю акцент на публикации *Тайных записок*, которые своим эпатажным содержанием и непристойным языком, бросают вызов советскому неопуританству и запрету секса и сексуальности в русской культуре.

Прецедент Михаила Армалинского также иллюстрирует, как литературная порнография компрометирует образ «асексуального» российского общества, провоцируя общественность на участие в «оргии» разговоров о сексе и обсуждений *Тайных записок*. В руках издателя эта скандальное произведение становится опосредованным сексуальным приёмом, который великолепно работает, раскрывая унылое сексуальное бессилие российского общества и сотрясая основы истэблишмента, построенного на пушкинском мифе. Другими словами, *Тайные записки* превращаются в зеркало, отражающее реальный образ советского человека, его страхи перед сексуальностью и усилия разобраться в ней.

Более того, в этой главе рассматриваются условия, при которых литературная порнография выходит за рамки первичного текста, осваивая новое вымышленное пространство, в котором порнография реализуется на практике. Я показываю, что Армалинский использует *Тайные записки* в качестве сценария для постановки индивидуальных и массовых порнографических сцен за пределами первичного текста, в его переписке с русскими критиками, учеными и читателями в книге под названием *Парапушкинистика*. Армалинский погружает российское общество в порнографию, поскольку он вовлекает своих собеседников в словесную эротическую игру, говоря: *Я словесно ебу кого и как хочу*.¹⁴

¹⁴ А. С. Пушкин. *Тайные записки 1836–1837 годов. Парапушкинистика*, Литературный памятник. Составители Михаил Армалинский и Вадим Курочкин, Миннеаполис: M.I.P. Company, 2013, с. 656. (см. <http://www.mipco.com/win/pushLP.html>)

Язык, используемый для того, чтобы обесчестить женское тело русской общественности, в то же время придаёт Армалинскому мужественность и наделяет его фаллической силой. Фазы этого эротического словесного действия развиваются в соответствии с четырьмя стадиями цикла человеческой сексуальной реакции, определёнными Masters and Johnson в их революционной книге 1966 года *Human Sexual Response*, которая оказала большое влияние на восприятие порнографии Армалинским.¹⁵

Мастерс и Джонсон обнаружили, что человеческая сексуальная реакция строго следует следующей схеме: возбуждение (стимуляция), плато (интенсивное сексуальное напряжение, достигающее экстремального уровня, необходимого для продвижения человека к оргазму), оргазм (непроизвольная кульминация) и окончание (спад напряжения).¹⁶

В замысле Армалинского его сексуальное действие разворачивается как вариация этой схемы, поскольку его литературные участники одновременно проходят через волнение, вызывающее сексуальное возбуждение, садомазохистское наслаждение, пронизывающий восторг и, в конечном итоге, оргазм.

Армалинский использует порнографию в пике социалистическим словесным нормам как современный, анти-Эзопов язык свободы. Однако, как показывается в этой главе, его поэтика порнографии парадоксальным образом опирается на советский литературный дидактизм и, по-видимому, глубоко укоренена в образцах социалистического реализма, разукрашенного советской риторикой и коммунистической политической пропагандой.

¹⁵ Армалинский впервые прочитал эту книгу в возрасте восемнадцати лет, когда известный русский сексолог Игорь Кон познакомил его с ней: *Он предложил мне прочитать запрещенные редкие книги о сексе, изданные в США. Я с энтузиазмом согласился... Одной из самых важных книг стал сексологический и научный бестселлер Мастерса и Джонсона Сексуальная реакция человека. Эти книги произвели на меня большое впечатление...* (Личная переписка, 20 июня 2015 г.).

¹⁶ William H. Masters and Virginia E. Johnson, *Human Sexual Response*, Boston: Little, Brown and Company, 1966, p. 6.

Армалинский копирует социалистические схемы, чтобы уничтожить их изнутри.

С помощью издевательского подражания основоположникам Коммунистической партии, он заставляет свою текстовую подрывную деятельность служить интересам свежепровозглашённого порнографического правительства, основателем и вечным председателем которого является сам Армалинский. Такой идеологический ход обоснован его непоколебимой верой, сродни вере “идиота” Достоевского, князя Мышкина, в то, что «порнография спасёт мир».

Социалистическая теологическая эстетика служит плодородной почвой, на которой он сеет стремление к свободе слова, вращающееся вокруг его проповеди порно-евангелия, сексуальной догмы и идолопоклонства.

Широкомасштабность продвижения «Тайных записок», как сексуальной идеологии и религиозности порнографии создаёт образ фигуры Армалинского, подобный Христу, пророка, из уст которого изливаются пророчества и предвидения светлого порнографического будущего. Армалинский выступает в роли Человека-Бога, который даёт людям свободу «ебаться».

Как только Армалинский почувствовал, что готов начать эту порнографическую кампанию, он столкнулся с проблемой найти издательство для такого новаторского предприятия, которое посмело бы опубликовать *Тайные записки*. О советских издательствах не могло быть и речи. Русская эмигрантская пресса была весьма консервативна, и поэтому даже за пределами СССР для Армалинского оказалось невозможным найти культурную среду, необходимую для развития свободной и неподцензурной русской литературы. Однако Армалинский решил эту проблему с помощью развивающихся технологий.

В своей статье *Изгнанные русские писатели третьей волны и эмигрантская пресса* Arnold McMillin утверждает, что технология пришла на помощь многим непризнанным русским эмигрантским писателям,

предоставив им возможность публиковать свои собственные произведения, иногда, но не всегда, создавая издательскую «фирму» для этой конкретной цели. Такие кустарные издания, утверждает McMillin, *отражают резко антиправительственные взгляды, и, по крайней мере, авторы могут публиковать и, теоретически, распространять то, что они хотят.*¹⁷

Опубликовать самому – это было наиболее логичное решение для Армалинского, тем более, что он уже основал собственное издательство. Армалинскому был нужен только хороший компьютер, чтобы запустить порно в эфир:

В 1986 году настала пора издавать *Тайные записки 1836–1837 годов* А. С. Пушкина. Я решил сделать это сам... Для такого дела требовался компьютер.... Покупка Макинтоша буквально ознаменовала начало принципиально нового бытия. Ничто, кроме эмиграции, так сильно не повлияло на мою жизнь. Прежде всего я перепечатал на Макинтоше *Тайные записки*. Затем я прознал про лазерный принтер. Когда я увидел текст, напечатанный на нём, я понял, что сам смогу сверстать книгу и распечатать, а типографии останется только сфотографировать набранные страницы, размножить и переплести в книгу.... Вскоре *ТЗ* вышли из печати *и устремились завоёвывать мир.* (курсив Ж. С.)
Максимализмы, 522–525.

Мужское влечение к машинам и технологиям имеет долгую историю как в русской, так и в американской культурах, поскольку оно традиционно считалось основной сферой «мужского» знания. Поэтому гендер неотделим от технологического аспекта языкового общения. В своей работе *Делая технологию мужественной* Ruth Oldenziel утверждает, что мужчины двадцатого века вошли в технологически продвинутую сферу *в поисках*

¹⁷ Arnold McMillin, “Exiled Russian Writers of the Third Wave and the Émigré Press,” *The Modern Language Review* 84, no. 2 (April 1989): 406-413.

собственной версии мужской идентичности как инженеры, ищущие культурные ресурсы для приложения своей профессии; как борющиеся рядовые члены, живущие в страхе быть деклассированными и демаскулинизированными; и как писатели, художники и социологи в поисках собственной профессиональной идентичности."¹⁸

Продукты научно-технического прогресса позволили мужчинам восстановить свою мужскую силу, укрепить свою мужественность и пересмотреть свои отношения с женщинами и мужчинами. Увлечение наукой и техникой в начале двадцатого века присуще постмодернистским мужчинам, которые стремятся улучшить мир с помощью современных технологий. Технология становится важным фактором в создании новой Западной идентичности Армалинского как человека, писателя и инженера, которому необходимо управлять орудиями новых технологий. Технология здесь усиливает фаллическую мощь Армалинского, посредством чего он обретает сверхсилу и становится способным овладеть телом советской общественности и использовать его.

“Машина” позволяет доставить его порнографическое слово через океан, в Россию. Как русский эмигрант, которому необходимо переосмыслить свою утраченную русскую традиционную мужественность, Армалинский входит в технологическую сферу с позиции мужчины и любовника: *Макинтош зажжёт во мне страстную любовь, которая длится по сей день и только крепнет. Ни одна женщина не могла бы удержаться в моём сердце и править им так долго.*¹⁹

Страстная любовь Армалинского к своему компьютеру, которая сильнее его желания женщин, говорит о фаллических характеристиках, которые он ему приписывает. Глаголы «длиться», «продержаться» и «изливаться»

¹⁸ Ruth Oldenziel, *Making Technology Masculine: Men, Women, and Modern Machines in America, 1870–1945*, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004, p. 11.

¹⁹ *Максимализмы*, стр. 525. Армалинский даже посвятил свой порнографический роман 1991 года своему компьютеру Macintosh.

несомненно, связаны с эрекцией. Здесь Армалинский напоминает Брынзу, персонажа из *Цемент* Федора Гладкова (1925), который олицетворяет увлечение советского человека машинами и техникой. Брынза живет со своими обожаемыми машинами на заводе и становится с ними единым целым (*Когда я с двигателем, я сам двигатель... я и машина, мы едины*). И, как и у Армалинского, любовь Брынзы к машине несравнима с любовью к женщине: *Тоска по машинам сильнее, чем по возлюбленной*.²⁰

Машина, его «любимый» Макинтош, дает Армалинскому новую сексуальную силу, мужскую идентичность и, конечно, новую жизнь за пределами России.²¹ Машины (Макинтоши) определяют все, чем является Армалинский и что он сделал в изгнании:

без них не было бы никакого бизнеса, никакой литературы, никаких книг, никакой social life». см. Максимализмы, 526

Будто следуя древнегреческой трагедии, Армалинский появляется на советской сцене как “бог из машины”, который приносит порнографию, чтобы разрушить социалистический антисексуальный «заговор», на участие в котором были обречены советские люди. Его порнографическая проповедь должна переделать прошлое и определить структуру будущей русской литературы.

Армалинский опубликовал *Тайные записки*, сопроводив их *Необходимым предисловием*, в котором он объясняет, как к нему попала рукопись, как она была расшифрована и тайно вывезена из Советского Союза. Написанное от

²⁰ Федор В. Гладков, *Цемент*, перевод А. С. Артура и К. Эшли, Эванстон: Northwestern University Press, 1994, стр. 113.

²¹ На самом деле, как я расскажу позже, его публичная персона в первую очередь строится вокруг множественных кибер-личностей. Нескольких Макинтошей было недостаточно для удовлетворения его потребностей в создании его множественных виртуальных личностей – на протяжении всех этих лет он регулярно менял свои компьютеры (сначала раз в год, затем чаще, так что к настоящему времени у него было более сорока Макинтошей). В конечном счете, негативное отношение Армалинского к моногамии, которое определяет его поведение с женщинами, воспроизводится и на его отношениях с книгами и компьютерами.

первого лица в виде краткого изложения событий, *Необходимое предисловие* начинается с описания подробностей из жизни Армалинского, которые делают весь рассказ в предисловии правдивым и даже исповедальным:

В 1976 году я решил эмигрировать в Америку. Чтобы собрать деньги на отъезд, я стал распродавать свою библиотеку. Ко мне в комнату потекла череда друзей и знакомых, а потом и чужих людей, желающих купить мои книги.²²

Однажды является старый историк, Николай Павлович, у которого в глазах... жил свет давних времён.²³ Узнав о плане Армалинского эмигрировать из Советского Союза и начать новую жизнь на Западе, Николай Павлович передаёт ему рукопись *Тайных записок* с просьбой отвезти её в посольство Голландии, где Армалинский должен был получать визу. Он узнаёт, что рукопись, изначально написанная на французском языке, была расшифрована, а затем переведена на русский язык самим Николаем Павловичем. Однако он не раскрывает, о чём эта рукопись, а туманно описывает её как *дневниковые записи конца тридцатых годов прошлого века*, в которых нет ничего антисоветского, и оставляет личность автора сюрпризом для Армалинского. Армалинский умудряется оставить рукопись, вместе с другими своими произведениями, в посольстве Голландии.

Год спустя, когда он уже проживает в Соединенных Штатах, Армалинский получает *Тайные записки* и немедленно принимает решение перепечатать рукопись на своей пишущей машинке, предвидя, что может что-нибудь случиться, и ему понадобится дополнительная копия. Таинственным образом рукопись Николая Павловича вскоре исчезает из квартиры Армалинского, и он остается с копией, сделанной на его пишущей машинке. В этот момент

²² А. С. Пушкин. *Тайные записки 1836-1837 годов*, Литературный памятник. 2013, стр. 5. Все цитаты из текста *Тайных записок* и *Необходимого предисловия* относятся к этому изданию, обозначаемому как ЛП с номером страницы.

²³ Намек на российского императора Николая I (Николая Павловича Романова).

Армалинский оказывается в замешательстве – возникает множество вопросов, таких как: Где оригинал записок, и как они попали в руки Николая Павловича? Каким шифром они были зашифрованы? Не являются ли записки подделкой? Знает ли кто-нибудь ещё, кроме Николая Павловича, о существовании записок? Нужно ли опубликовать эти записки? (ЛП 8).

Будучи знакомым с легендой о тайных записках, согласно которой Пушкин завещал следующим поколениям опубликовать их не ранее, чем через сто лет после своей смерти, Армалинский решает опубликовать *Тайные записки* накануне полуторавекового юбилея со дня смерти Пушкина.²⁴ Осознавая опасность, которую он навлекает на себя, он тем не менее публикует этот текст из опасения, что любой другой издатель мог бы легко подвергнуть текст *нравственной цензуре*, чтобы не опорочить святое имя Пушкина (ЛП 9), Армалинский предупреждает пушкинистов, что литературный стиль и язык в *Тайных записках* далеки от пушкинских, указывая, что рукопись представлена как переводной текст, который Николай Павлович, не обладавший талантом стилизатора, приспособил к современному русскому языку. Армалинский завершает *Необходимое предисловие* утверждением, что *литературная репутация Пушкина настолько крепка, что его личная репутация пошатнуть её не может, но зато обещает стать замечательным пособием для изучения человеческой природы, которая благодаря своей неизменности, роднит нас как с прошлым, так и с будущим* (ЛП 9).

Как только ТЗ вместе с *Необходимым предисловием* были изданы, Армалинский послал рекламные материалы книги во все ведущие газеты, издательства, библиотеки и архивы Советского Союза. Хотя Армалинский не претендует на авторство «Записок» и не утверждает, что они написаны Пушкиным, советские ученые сразу же назвали книгу подделкой и обвинили Армалинского в том, что он обманщик, эротоман, извращенец и пропагандист

²⁴ *Лет через двести, когда цензуру в России упразднят, напечатают первым Баркова, а потом и эти записки. Впрочем, не могу я представить себе Россию без цензуры. А значит, издадут их в Европе, но скорее всего в далекой Америке.* (ЛП 13).

порнографии. Его также обвинили в том, что он надругался над всей русской литературой и культурой, унижая и дискредитируя имя её создателя. По этой причине изначально негативные реакции и критическая оценка ТЗ полны личных нападок в его адрес.

Первое такое нападение было опубликовано в еженедельнике *Огонек* в 1987 году.²⁵ В своей статье *Оскорбительная подделка советский литературный критик Илья Зильберштейн* использует резкие оскорбления, чтобы приписать авторство *Записок* Армалинскому, и заключает, что *весь текст, сфабрикованный Армалинским, вызывает чувство глубочайшего отвращения.*²⁶ Зильберштейн далее характеризует Армалинского как тяжело больного человека, сексуального маньяка, психически неуравновешенного и беззастенчиво промышленяющего порнографией, который осмеливается *занести свою грязную руку на общечеловеческую святыню, чьё имя – Пушкин.*²⁷

Статья Зильберштейна была дополнена *Комментарием эксперта*, в котором Ф. Решетников, специалист по уголовному праву, пользуется юридической аргументацией и призывает использовать американские и европейские законы, чтобы засудить Армалинского за клевету и распространение порнографии. Принимая позу авторитета в юриспруденции, Решетников доходит до того, что называет Армалинского «сексуальным психопатом», который заслуживает самых суровых мер наказания, включая кастрацию.²⁸

²⁵ «Огонек» был первым изданием, которое рекламировало «Тайные записки», публикуя также другие материалы Армалинского.

²⁶ «Огонек», № 12, 1987

²⁷ Парапушкинистика, дополнительный том к ТЗ (ЛП 126–129).

²⁸ Там же.

Эти две критических статьи сотрясли советскую общественность. Оскорбительные речи Зильберштейна и Решетникова, целью которых было очернить Армалинского, впоследствии послужили образчиком для многих критиков и читателей, которые бросились выражать своё возмущение издателем и его изданием. Армалинский утверждает, что *всё началось со статьи, опубликованной в «Огоньке» в 1987 году* (ЛП 473). Такой личный и субъективный тон критиков позволил Армалинскому установить особенно близкие отношения с публикой. Вскоре Армалинский создаёт порочный круг критики, в котором находится он сам и опубликованная им книга.

История с молодым студентом А. С. Бодановым, вероятно, наиболее наглядно иллюстрирует, как эта тенденция продолжалась. Будучи читателем и поклонником поэзии Пушкина, возмущенный попыткой издателя осквернить имя «гения русской и мировой литературы», Боданов пишет письмо Армалинскому, в котором изощряется в оскорблениях: «Вы – ПОДЛЕЦ и СКОТИНА», «Вы – самая гнусность и мерзость, подлость и ложь в одном лице» (ЛП 130).

Конечная цель Боданова – восстановить честь Пушкина, вызвав Армалинского на дуэль: «Принимая во внимание всё вышеизложенное, имею честь вызвать вашу гнусность на дуэль. Об условии и месте дуэли прошу сообщить по адресу...» (ЛП 130).

Отвечая своему сопернику, Армалинский излагает своё издевательское решение относительно выбора места и оружия для дуэли:

Я выбрал. Сражаться будем плевками. Итак, 7 ноября в 12 часов дня мы встречаемся на верхней площадке Эйфелевой башни, что в Париже (ЛП 131).

Уверенный в своей победе, Армалинский указывает Боданову, что единственный способ выздороветь после смертельной раны в сердце, нанесенной его «метким плевком», – это выучить наизусть ТЗ.

Читая условия дуэли Армалинского, я бы сказала, что для лечения сексофобии общества он применяет поведенческую терапию, назначая ТЗ как экспериментальное порнографическое лечение, которое провоцирует в теле общества сильное сексуальное возбуждение.

Так что я утверждаю, что именно в этот момент прямая сексуальная риторика Армалинского проникает в публичное пространство, в котором пол и гендер четко обозначены участникам диалога. Тема Армалинского воплощается в сексуальном образе фаллической Эйфелевой башни, которая выступает в роли сильного мужчины, совокупляющегося с телом общества, и плевки символизируют семяизвержение в это тело.

Тем не менее, этот словесный сексуальный контакт показывает, что тела собеседников имеют разный пол, согласно образам в тексте. Если Армалинский в письме отождествляет свой гендер со своим биологическим полом, то своего корреспондента (общество), мужчину он выказывает как женщину. Такой ход Армалинского дополняет теорию Judith Butler, о том, что пол и гендер создаются словесно, а также её гипотезу о гендерной вербальности, которая предполагает, что гендерная идентичность «создаётся вербально теми самыми «выражениями», которые, принято считать её проявлениями».²⁹

Гендер в словесных трюках Армалинского становится настоящей «подвижной хитростью», согласно метафоре Butler, используемой чтобы сбить с толку российское общество. Представляя российское общество как

²⁹ Judith Butler, *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, New York: Routledge, 1999, p 33.

«переменное гендерное существо»³⁰ Армалинский устанавливает двойственное отношение между ними: он ведёт бой с мужчиной и в то же время ебёт женщину.

Россия для меня как женщина, которая омерзительна мне своей психологией, но без которой я не могу и которую я должен ебать, – утверждает Армалинский в своем романе 1991 года.³¹

Отношения Армалинского с телом общественности основаны на Эдиповом комплексе: желании матери и соперничестве с отцом. Кроме того, гендерные смещения Армалинского ещё больше усложняют ситуацию с этой группой понятий, которая допускает лишь традиционные патриархальные ценности, мужской героизм и гетеросексуальные отношения. Армалинский, как будто на самом деле, совершает дефлорацию девственницы, и смачно плюёт, символически проникая в женское тело общественности и ранит его. Эта рана вызывает образ Пушкина-порнографа.

³⁰ Butler говорит, что появление «прерывистых» или «несогласованных» гендерных существ, рассматриваемых как личности, «которые не соответствуют гендерной норме понятности, по которой определяются личности», ставит под вопрос идентичность, то есть само понятие «личности» (Gender Trouble, 23).

³¹ М. Армалинский, *Добровольные признания – вынужденная переписка*, в книге *Чтоб знали!*, М.: Ладомир, 2002, с. 805.

Пушкинистика vs. порнография / Пушкиномания vs. эротомания

Жёсткая структура литературных учреждений, и особенно *Пушкинского дома*, чьей главной целью является защита и сохранение наследия Пушкина, а также строгая политика, проводимая для контроля над литературными издательствами, не допускали возможности издания ТЗ в России в течение следующих пятнадцати лет. Заявление Дмитрия Лихачева о том, что *наш долг – защитить Пушкина* (ЛП 607), становится наказом для всех пушкинистов и издателей.³² Очевидно, что причина скандала столь огромных масштабов связана с неприкасаемостью Александра Пушкина в русской культуре и литературной традиции. На протяжении последних двухсот лет вокруг Пушкина разрослось множество различных рассказов, анекдотов, сказок, выдуманных ситуаций, нередко идеологически обработанных. В результате Пушкин был превращен в идею, которую стали употреблять и злоупотреблять ею для создания великого мифа о Пушкине, его культа личности, что определяло русское национальное самосознание, а также давало основу для советской политической пропаганды и социалистической идеологии.³³ Идея о том, что *Пушкин суммировал, собрал синтезировал национальный облик* (Н. Скатов, ЛП 584), проникает во все общественные дискуссии, даже когда Пушкина защищают от нападения порнографии. Расплывчатость этой идеи давала возможность советским и российским чиновникам, политикам, критикам и писателям управлять и манипулировать образом Пушкина, прибавляя к нему новые черты и мнения или убирая

³² По мнению защитников Пушкина, ТЗ ставят под угрозу российское общество и литературную традицию до такой степени, что эта книга подвергает опасности национальную безопасность. (А. Акопов. *RELGA*. № 14, 2005. ЛП 399)

³³ О советском пушкинском мифе см. Jonathan Brooks Platt, *Greetings, Pushkin! Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard*, Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2016; or Evgeny Dobrenko, "Pushkin in Soviet and Post-Soviet culture," in *Cambridge Companion to Pushkin*, ed. Andrew Kahn, Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

неугодные мысли и понятия по мере идеологической и политической необходимости. В конечном итоге, пушкинский миф вобрал в себя различные понимания и интерпретации роли писателя в культурной жизни нации: Пушкин – главная национальная святыня, «наше всё», «солнце русской поэзии», «синоним России» и отец русской литературы и языка, любовь к которому приравнивалась к приверженности социализму, а в сталинское время – к любви к товарищу Сталину.

Начиная с годовщины смерти Пушкина в 1937 году, он стал ведущим поэтом сталинской эпохи и считался «особым объектом любви, отождествляемой с любовью к современности», как утверждает Platt.³⁴ Мифологизация Пушкина, годовщин его смерти и рождения продолжалась на протяжении всего советского и постсоветского периода, и Армалинский тоже этим займётся. Из-за всего этого русская культура дошла до того, что, *сама тема запретов, связанная с Пушкиным, тоже подпала под запрет.*³⁵

Такого рода запреты являются основной причиной отказа российских издательств опубликовать ТЗ даже в постсоветское время, когда непристойность (мат) стала повсеместно присутствовать в литературных произведениях.

Издатели боялись негативных последствий, с которыми они могли столкнуться из-за профанации Пушкина.³⁶

Армалинский утверждает, что *свобода печати в России, как оказалось, заканчивается на Пушкине. Уж такую из него сделали Вавилонскую башню, что не подступись* (ЛП 181).

Хотя ТЗ не были опубликованы в России до 2001 года, интерес к этой книге, включая положительные и отрицательные отклики на неё, не

³⁴ Platt, Greetings, Pushkin!, p. 227.

³⁵ Alyssa Dinega Gillespie, ed., *Taboo Pushkin*, Madison: University of Wisconsin Press, 2012, p. 5

³⁶ Один из издателей открыто пишет Армалинскому: *Из-за содержания и характера «Тайных записок» для нас невозможно опубликовать эту работу, не рискуя принести в жертву ей судьбу издательства* (ЛП 179).

прекращался с момента её издания в США.³⁷ Скандалы и слухи, окружающие Армалинского, вместе с полемикой и рецензиями в российской прессе и СМИ, стали лучшей рекламой книги. Всё это привело к удивительному результату: ТЗ стали бестселлером.³⁸ Полемика, которую вызвали ТЗ, только способствовала победному шествию их более поздних публикаций. Ольга Воздвиженская³⁹ считает, что причина огромной популярности ТЗ кроется в потребности в сексуальном мифе и сексуальном герое при всеобщей российской неудовлетворенности в этой сфере – не на деле, а в мыслях. Так, она размышляет над вопросами: *Мог ли пушкинский миф обойтись без этой темы? И мог ли Пушкин, самая яркая личность в русской истории, не стать... героем сексуального мифа?*⁴⁰

Несмотря на то, что мифический Пушкин в советских исследованиях явно вымышленный персонаж, весьма далёкий от реального писателя-любовника, (пост)советские русские критики рассматривают литературного героя ТЗ как клевету на великого Пушкина, потому что у Армалинского он не соответствует «оригиналу»: «Это не Пушкин!» В их интерпретации Пушкин

³⁷ До этого времени компания M.I.P. опубликовала шесть изданий «Тайных записок» на русском языке и пять изданий на английском языке. Книга также была переведена на многие другие языки: итальянский, албанский, французский, голландский, испанский, японский и немецкий. Эротический журнал *Penthouse Forum* печатал отрывки из *Тайных записок* в 1991 году, а некоторые издательства делали пиратские издания (московская газета *Венера Пресс*, альманах *Конец века* и израильская газета *Эхо*).

³⁸ Эта ситуация говорит в пользу утверждения McMillin's о том, что реальная сила прессы и журналов в отношении спорных текстов заключается не столько в том, что они публикуют или не публикуют, сколько в том, что они рецензируют и о чём молчат. Он утверждает, что для авторов-эмигрантов *даже характер критики не так важен, как основной факт быть замеченным*, учитывая, что худшая возможная судьба для писателя – быть проигнорированным. (*Exiled Russian Writers*, стр. 408.)

³⁹ Ольга Геннадиевна Воздвиженская (псевдоним: Наталья Михайловская) 1965-2024 литератор, поэт, критик, работала редактором в издательстве Ладомир и готовила к публикации *Тайные записки 1836-1837 годов* и том М. Армалинского *Чтоб знали!* (примечание переводчика)

⁴⁰ О. Воздвиженская *Чей Пушкин?*, (ЛП 103).

предстает бесполом, невинным и, в конечном итоге, нравственным человеком, который в ранние годы совершал небольшие вылазки в эротизм, но вскоре встал на «правильный путь» в литературе и отказался от авторства эротических произведений, таких как *Гавриилиада*.⁴¹ Это показывает, что в СССР «кастрировали» Пушкина, пытаясь подгонять его личность под свои моральные ценности и своё понимание, какой должна быть сексуальная жизнь такого великого человека в русской культуре. *По сути дела их интересует не личность Пушкина, а свои собственные убеждения, под которые они хотели бы подогнать и Пушкина, и весь окружающий мир.* (Михаил Дубовсков, ЛП 819).

Порнографический образ Пушкина в ТЗ не столько компрометирует образ великого писателя, сколько противостоит идеологическому и иллюзорному образу (пост)советского общества, выстроенного вместо Пушкина. Армалинский иронически заявляет, что

именно их публикация явилась проверкой истинности любви к Пушкину: чем больше человек ненавидит Тайные записки, тем больше он любит Пушкина. Таким образом, именно Тайные записки служат ещё большему укреплению этого общественного культа» (ЛП 265).

⁴¹ Пушкинисты должны защищать эту целомудренную ауру Пушкина от таких кощунственных попыток, как ТЗ Армалинского, считает Д. Лихачев: *Скажем так, что Пушкин официально отрёкся от «Гавриилиады», не хотел быть её автором, и мы с этим должны считаться, это его право. Зачем мы должны печатать в «семейном издании» эти порнографические произведения Пушкина, если сам Пушкин от них отрекся.* (ЛП 605).

По той же причине Валентин Непомнящий находит оправдание ранним эротическим стихам и непристойной лексике Пушкина в его юности (*в том возрасте, когда неудержимо хочется писать на заборах непристойности*), и указывает, когда именно закончился его период незрелости: *В стихах Пушкина obscene лексика последний раз встречается в 1827 году... после этого она из стихов исчезает* (ЛП 613–614). Заявляя, что он знает все этапы личностного развития Пушкина, Непомнящий утверждает: *чтобы поверить, что «Тайные записки» принадлежат Пушкину, надо предположить, что к этим годам у поэта произошло патологическое изменение личности, что Пушкин перестал быть собой, одним словом, психически заболел* (ЛП 615).

Те же, кто выступает в защиту Армалинского от злобных нападок и подчеркивают художественные ценности ТЗ, отмечают, что важность этой книги состоит в демифологизации, деканонизации и персонификации Пушкина, то есть в возвращении человеческих качеств обезчеловеченному мифическому образу Пушкина.⁴² У Армалинского та же цель, что и у Андрея Синявского (Абрама Терца) в его полемичном тексте *Прогулки с Пушкиным*: спасти Пушкина от советского нарратива и культа личности.⁴³ Оба писателя разъединяют слепленный идеологией образ Пушкина на два образа: поэта и человека, оба из которых они по-своему компрометируют, талантливо прикрепляя к ним свои сочинённые биографические факты. Терц представляет Пушкина на *тонких эротических ножках*, в то время как Армалинский изображает поэта стоящим на своих толстых порно-ногах, занимающимся сексуальными извращениями.

В некотором смысле, «альтернативный Пушкин *Тайных Записок*» выглядит как символ разрушения всякого официоза» (Н. Михайловская, ЛП 112), включая принятый образ Пушкина. Михайловская считает, что все разговоры, которые возникают вокруг ТЗ, указывают на создание нового мифа.

Процесс этого вторичного мифотворчества не завершён, но уже видно что, ... в карикатурной, но удивительно точной форме отразилось нынешнее российское время, слом эпохи, крушение идолов и утверждение новых идеалов (ЛП 117).

Несмотря на очевидность того, что ТЗ – это книга, которая сутью своей разоблачает мифы, она сама оказывается мифом, но антипушкинским, она дает пищу для создания ещё одного столь же мифического образа писателя – Пушкина-порнографа. *Перед читателем миф, а поэтому о психологическом*

⁴² См. Наталья Михайловская, *Ай да сукины дети!*, (ЛП 111).

⁴³ Андрей Синявский написал «Прогулки с Пушкиным», находясь в советском трудовом лагере, и сумел переправить их в письмах к жене. Книга была опубликована после его ссылки во Францию в 1975 году. Армалинский утверждает, что он также переправил контрабандой заметки Пушкина и опубликовал их в эмиграции.

правдоподобии и речи быть не может... Вот ведь и Михаил Армалинский хотел издать чрезвычайный пасквиль, а выпустил в свет апокриф, утверждает Евгений Перемышлев (ЛП 200,201). И действительно, антисоветский скандал Армалинского остается в рамках той же самой мифологической сферы советской идеологии, но перевернутой с ног на голову.

Учитывая, что портрет Пушкина в ТЗ как человека необычайно страстного и сексуально озабоченного, а повествование от первого лица и исповедальный тон заметок дополнительно компрометируют сакральный образ писателя, публикация Армалинского заставляет советскую риторику увечить саму себя. То есть, если Пушкин считается «нашим всем», то тогда извращенный, безнравственный, похотливый, сексуально извращенный и греховный литературный персонаж Пушкина в ТЗ является зеркальным отображением русского народа. И более того, если Пушкин является синонимом и воплощением самой России, то, как это ни парадоксально, сексуально неразборчивый персонаж в ТЗ выступает в качестве идеального портрета родины-матери.

Чтобы разоблачить безнравственные намерения Армалинского и избежать опасных выводов, директор Пушкинского дома Николай Скатов спешит уточнить: *Пушкин – наше всё, не приводит к выводу, что всё наше – это Пушкин,* и добавляет: *Если мы позволим уничтожить Пушкина, мы потеряем Россию... Всё, что темные силы, готовы обрушить на Россию, они обрушивают сейчас на Пушкина. Уничтожьте его – и вы уничтожите Россию* (ЛП 577–579).

Рассуждение Скатова сводится к следующему: порнографическое изображение Пушкина, можно приравнять к сексуальному оскорблению и насильственной дефлорации невинной девушки (России), после чего её девственность и честь уже навсегда потеряны. Армалинский демонстрирует, что, используя мораль советской/российской системы, ему удаётся превратить её ценности и нормы в самое мощное оружие против той же

системы. Это станет его главной стратегией в словесной битве, которая будет активно продолжаться.

Тем не менее, защитники пушкинского мифа не могли ослабить настойчивость и решимость Армалинского издать книгу в России. Наоборот, всеобщий интерес и любопытство по отношению к ТЗ лишь стимулировали его продвигать книгу ещё более интенсивно, рассылая повсюду информацию (спам) о ТЗ. Когда в конце 1990-х годов его признали *первым спамером всей Руси*, Армалинский ответил:

Спамер, спермер – зовите как полюбится... какой же я спамер, если пытаюсь привить любовь к пушкинскому слову? Я культуртрегер, подвижник, если хотите. Сею разумное, доброе, вечное (ЛП 475).

Здесь Армалинский берет на себя роль сеятеля Николая Некрасова, призванного совершать подвиги во имя русского народа. В своей поэме *Сеятелям*, 1877 Некрасов взывает: *Сеятель знания на ниву народную! /.../ Сейте разумное, доброе, вечное, Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ...*⁴⁴

Армалинский-спермер распространяет порнографию и развеивает свои эротические семена по всей земле русской. Тот факт, что он это делает первый, придает дополнительный символический смысл его действию – лишению девственности невинного общества. Как и Некрасов, Армалинский верит, что в будущем русский народ оценит его дело и добрыми словами отблагодарит его. Его литературная порнография, сродни поэзии Некрасова, и несёт, с точки зрения Армалинского, пророческую силу, способную создать идеальное общество в утопическом мире. Тем не менее, Армалинский является постмодернистским “сеятелем”, который использует новые технологии, чтобы достичь своей цели. Его спам-рассылки воспринимаются

⁴⁴ Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем в 15 томах, Т. 3, Ленинград: «Наука», 1982.)

как действия «сексуального дебила», держащего одну руку на клавиатуре, а другую – в кармане» (Рита Алова, ЛП 280).

Очередная волна сильных волнений окатила русскую интеллигенцию в 1999 году, когда компания М.І.Р. сделала ТЗ доступными в интернете, чтобы ознакомить новые поколения читателей с Пушкиным и, в конечном итоге, стимулировать изучать их и другие его произведения. Это интернет-издание вышло как подарок Армалинского русскоязычной публике во всём мире в ознаменование 200-летия со дня рождения Пушкина. Целью этой публикации было удовлетворение образовательных потребностей постсоветской молодежи, освободить её половую жизнь от *порочного стыда и брезгливости* и воспитать сексуально здоровых людей (ЛП 121).

Для пушкинистов такой лёгкий доступ многочисленных читателей к этой скандальной книге был самым большим оскорблением Пушкина. По этому поводу Николай Скатов заявил:

Весь мир помешался на эротомании, порнографии, и сексуальной революции – и в отношении Пушкина появляются совершенно невероятные публикации, которые даже «жёлтыми»-то назвать трудно – они попросту грязные. Например, в Америке недавно вышла книга «Пушкин – Тайный дневник 1836» о якобы сексуальных похождениях поэта. Это откровенная и грязная подделка, но... она уже переведена во многих странах, появилась в Интернете (ЛП 600).

Тайными записками Армалинский выталкивает российское общество из состояния комфорта. Учитывая тот факт, что ТЗ по сути не существовали в России в течение пятнадцати лет после их первого издания в США, панический страх, возникший в российском обществе в этот период, указывает на усиление в нём приверженности к исконному ретроградуству. Необоснованная, неоправданная и подавляющая тревога по отношению к якобы вражескому Западу, который своей извращённостью и безнравственностью ставит под угрозу общественный порядок, мораль и целомудрие русских людей, а также стремится унижить и скомпрометировать

русскую литературу – всё это вызвало в обществе стремление к строгой цензуре с целью изоляции как ТЗ, так и Армалинского. Таким образом, Армалинский предстаёт как опасный чужак, дьявол; *главный филологический бес России* (Сердюченко, ЛП 653), а литература, которую он производит, является греховным действием. Любая публикация «вульгарщины» представляет собой «преступление перед обществом», «распродажу русского духа, и совести» и «антирусский саботаж», совершаемые чужаком.⁴⁵

Вот почему государство должно приложить все усилия, чтобы избавиться от грехов и применить различные «очистительные» меры. В *Правде* Николай Трифонов выступил с идеей уничтожить пошлость, поскольку она грозит стать “духовной заразой”, и, ознакомившись с положительной реакцией на Армалинского и ТЗ, он пишет: «так и хотелось мне взять в руки метлу и вымести весь этот мусор, и всё это словоблудие беззастенчивых апологетов похабщины» (ЛП 156).

ТЗ также воспринимаются как чума, насланная на Россию западным врагом:

Свергая Пушкина с пьедестала «перестройки», внутренние враги России в буквальном смысле пускают нас по миру, делают нас «прорехой на человечестве (отзыв о Плюшкине в *Мёртвых душах* Гоголя); *загоняют нас в духовный чулан с лозунгом – Made in USA* (П. Н. Денисов, ЛП 256).

Получается, что Армалинский, бывший советский гражданин, который, проникся западными сексуальными извращениями, насильно заставляет общественность участвовать в своей карикатуре на культуру.

⁴⁵ Это комментарий А. Зорина к публикации стихотворения Тимура Кибирова *Послание Л. С. Рубинштейну* в *Час пик* в 1990 году. В данном случае под «чужаком» он подразумевает «Дао» (горского еврея) и татарина Кибирова (*Легализация обценной лексики и её культурные последствия*), *Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература*, Москва: Ладомир, 1996). Будучи евреем и западником, Армалинский изготавливает пушкинскую “вульгарность” с двойной силой.

Пушкинисты призадумались над тем, как защитить Пушкина и его читателей от таких людей, как Армалинский, которые заполняют Интернет своей непристойностью. В статье *Пушкину нужна «защита от дурака»* Юрий Буйда (ЛП 636) выражает обеспокоенность по поводу Всемирной паутины, которая, по его мнению, превратилась в свалку, полную «сора и дряни», и сетует, что «в Интернете нет «защиты от дурака». По этой причине, чтобы защитить людей от заразных, глупых и грязных произведений, таких как ТЗ, Буйда выступает за использование основ гигиены: «регулярно чистить зубы и мыть руки с мылом».⁴⁶

Армалинский направил открытое письмо в газету *Известия*, в котором утверждал, что пушкинисты, в страхе от Интернета, полны решимости его *прикрыть, чтобы ТЗ и антикоммунизм вновь стали бы недоступны широкой общественности*. Затем он разъясняет позицию Буйды, говоря, что *после общения с Интернетом, Буйда не нуждался бы в очищении, если бы он понял, что не обязательно всё совать в рот* (ЛП 639). Так Армалинский делает Буйду активным участником своей порнографии, который не только испытывает сексуальное возбуждение от ТЗ, но и участвует в оральном сексе, жадно глотая словесную сперму Армалинского, изливающуюся из его фаллоса, укрепленного высокими технологиями.

Попытка объяснить инаковость Армалинского и его безнравственность через еврейство не вызывает удивления. Негативное восприятие еврея имеет давнюю традицию в русском культурном сознании. В начале двадцатого века Василий Розанов в своих *Опавших листьях* писал о страхе перед евреем, который своей мощной потенцией грозит перепортить русских женщин. Позднесоветский человек просто повторяет эту модель, которая держится на противопоставлении «мы–они». Армалинский и все евреи становятся

⁴⁶ *Пушкину нужна “защита от дурака”* – опубликовано в газете *Известия* в 1998 году (ЛП, 636).

угрозой: – *Нашего русского поэта хотят измазать в говне. Вам не кажется странным, что «Тайные записки»... попали именно к вам, еврею?»⁴⁷ (ЛП 478)*

Они считают, что евреи убили не только Христа, но и Пушкина. Продвигая «русскую идею» в Интернете, И. Лебедев (выступающий под псевдонимом kot_begemott) требует от еврейской общины и премьер-министра Израиля дистанцироваться от Армалинского, иначе еврейский народ будет ответственен за его оскорбительные действия (ЛП 523).

Армалинский отвечает: *Всё сразу стало понятно, ибо если антисемит, вы обязательно сексуальный неудачник... Все эти любители Пушкина изо всех сил называют меня то “жидок”, то “жидяра”, но они ошиблись: я – ЖИДИЩЕ!»* (ЛП 524).⁴⁸

Армалинский диагностировал в теле общества болезнь под названием «Пушкин»: *Слово «Пушкин» в России означает не только имя поэта, но и название психической болезни* (ЛП 802), утверждая, что все они – параноики. *Их бредовая идея – Пушкин* (ЛП 923). Армалинский придумал глагол “запушкиниться”, который означает восприятие всего вокруг только через Пушкина.

Он потребовал испытать новое лекарство на больном русском обществе. Армалинский утверждал, что существует только одно средство, способное излечить от разных “напастей”, охвативших русское общество и в особенности от апокалиптического влияния *Тайных записок* на Россию и русскую литературу – это издать *Тайные записки* (ЛП 120). Армалинский хочет применить к обществу поведенческую терапию, использовать ТЗ как экспериментальное порнографическое средство для вызывания в народе сильного сексуального возбуждения и тем самым лечить его от навязчивого

⁴⁷ Онлайн-комментарий «amoraless», 27 октября 2007 года.

⁴⁸ «Жидок» и «жидяра» – уничижительные термины для еврея, полученные от «жид» с намерением уменьшить его значимость. Напротив, «жидище» – это усилительное (образованное суффиксом -ще), используемое для указания большого размера пениса и еврейской сексуальной мощи.

сексуального расстройства. Он даёт свой рецепт того, как легитимизировать порнографию в романе *Добровольные признания – вынужденная переписка*:

“Борцы против порнографии – это группа больных, которых надо лечить соитием. Больного или больную следует публично доводить до оргазма... Вот где христианская идея «люби врага своего» наконец идеально воплотится – в наказании наслаждением тех, кто выступает против соития: им силой должно быть доставлено наслаждение умелыми, юными и красивыми, чтобы, вкусив его, они не имели бы больше причин ополчаться на него, а стремились бы к его повторению. (Чтоб знали! 795–96).

Армалинский называет пациентов, страдающих этой опасной пушкинской болезнью и нуждающихся в немедленном лечении – *парапушкинистами*.

Парапушкинистика

Было бы трудно понять масштаб эффекта, который ТЗ оказали на общественность и литературоведение, если бы не *Парапушкинистика* Давида Баевского, книга о ТЗ.⁴⁹

Она являет собой собой собрание материалов, включающих в себя огромное количество откликов, касающихся ТЗ и его издателя, а также комментарии Армалинского к ним. *Парапушкинистика* является метапорнографическим текстом.

Парапушкинистика есть воплощение порнографии в форме обсуждений и вызывает к рассмотрению и изучению её именно как порнографического текста. *Парапушкинистика* демонстрирует, как стратегическое использование словесной порнографии дискредитирует официальную советскую идеологию и обуздывает литературные нормы и нравы социалистического реализма. Это поле, на котором происходит словесная битва за порнографию.

Компания M.I.P. опубликовала первое издание *Парапушкинистики* в 1996 году, через десять лет после первой публикации ТЗ. С течением времени, а также по мере роста комментариев о ТЗ и острого интереса, который они вызвали, *Парапушкинистика* также расширялась в объёме, пока, наконец, не стала на удивление большим томом в 800 страниц собранных материалов,

⁴⁹ Давид Баевский – одно из вымышленных имен, используемых Армалинским. Баевский представлен как человек, который заинтересовался ТЗ после того, как прочитал дерзкие статьи Зильберштейна и Решетникова. Потрясенный их «злобным истерическим воплем», Баевский решил вступить в диалог с этими двумя критиками и объяснить свою собственную положительную оценку книги (в альманахе *Панорама* в Лос-Анджелесе, в 1988 году). После этого он продолжил искать другие отклики на ТЗ и различные комментарии к ним. M.I.P. . Company узнала о его сильном интересе к этому вопросу, говорится в мистическом повествовании, и убедила Баевского собрать отысканный им материал в отдельную книгу, которая вышла под названием *Парапушкинистика*.

изданных в 2013 году.⁵⁰ Книга включает статьи, рецензии и интервью, появлявшиеся в журналах, газетах, журналах, на радио и телевидении, а также официальные и частные письма, электронные письма, записи в блогах и аннотации составителей. Известные ученые, пушкинисты и критики, такие как Д. Лихачев, И. Кон, Н. Скатов, В. Топоров, М. Золотонос, С. Фомичев, И. Зильберштейн, А. Лацис, Е. Перемышлев, Б. Филевский, А. Левкин, Е. Эткинд, и многие другие, выступают здесь как единое мнение и голос российского общества. Они представляют собой плоть общества и официальную советскую риторику, которыми Армалинский манипулирует и компрометирует своим порнографическим словом. Из-за такого мощного вербального столкновения, неудивительно, что *Парапушкинистика* часто рассматривается как подлинное произведение искусства, которое подчас представляется более интересным и увлекательным, чем сами ТЗ.

Обилие комментариев исключительно разнообразно. Они начинались с крайне негативных:

Пушкин не писал так длинно, так примитивно описательно и скучно (Валентин Непомнящий, ЛП 611); или: *Его (Пушкина) эротика гораздо шире и богаче пиздографии. Вы с ним не только не равны, но просто не конгениальны* (Игорь Кон, ЛП 740).

Некоторые комментарии были довольно примирительными, они исходили от тех, кто, хотя и разочарован содержанием ТЗ, ценит мастерство Армалинского и видит в ТЗ художественную игру талантливого автора, который прекрасно изучил подробности жизни Пушкина. Другие были даже весьма благосклонны: *Если же «Записки» – мистификация, то мастерски сделанная, могущая служить образцом русского эротического текста, а психологизм образа главного героя, от имени которого ведется повествование, и художественное качество текста напрочь отменяют обвинения в «порнографии»...* (Наталья Михайловская, ЛП 111).

Тем не менее, все реакции, задокументированные в *Парапушкинистике*, будь то за или против Армалинского и ТЗ, затрагивают одни и те же вопросы:

⁵⁰ До издания 2013 года было пять отдельных изданий *Парапушкинистики*.

являются ли *Тайные записки* произведением Пушкина или нет? Это оригинальный текст или подделка?

Армалинский определяет «парапушкинистику» как социолингвистический термин, который относится к точной науке, изучающей *неортодоксальный облик Пушкина и невероятные события его жизни, которые не в состоянии усвоить традиционная пушкинистика*. (ЛП 118, 909). Парапушкинистика – это наука, единственным объектом изучения которой являются ТЗ, в которых Армалинский открыл три основных закона:

1. закон сохранения энергии *Тайных записок* формулируется следующим образом: *Энергия воздействия “Тайных записок” на читающую массу остаётся неизменно высокой вне зависимости от агрессивности литературоведческой среды*.

2. закон об инвариантности *Тайных записок* по отношению ко времени и пространству. *Вне зависимости от времени и места, издание “Тайных записок” вызывает бурную психофизиологическую реакцию*. (ЛП 118); и

3. Реакция человека на *Тайные записки* Пушкина демонстрирует его истинный характер, а также специфику его половой жизни. (ЛП 509).

Армалинский считает, что за двадцать лет “литераДурного” процесса в отношении ТЗ, Парапушкинистика стала *отражением человеческой природы, российской ментальности, сути литературы*. (ЛП 122,123).

Парапушкинистика превратилась в зеркало, отражающее подлинный образ советского и постсоветского общества, показывающее «идиотизм советского

человека»⁵¹ (ЛП 262), а также его тревожения по поводу сексуальности.⁵² (ЛП 426)

Н. Михайловская замечает, что *Парапушкинистика – книга живая, растущая, меняющаяся по мере изменения читательского сознания. Бесконечная хрестоматия нашего общества с его страхами, глупостями, тягой к запретному, бесконечный репортаж о том, как благодаря Пушкину и сексу мы становимся свободнее и взрослее.* ⁵³ (ЛП 466)

Армалинский использует культурные традиции и образы, характерные для российского общества, чтобы в своей переписке с критиками, редакторами, издателями и читателями, привлечь их, соблазнить и, наконец, символически совокупиться с ними. Учитывая, что секс и эротика в русской культуре традиционно представлены в юмористическом и фривольном ключе, язык Армалинского намеренно насыщен юмором, иронией и сарказмом. Язык становится воплощением его мужской сексуальной силы, которую он использует, чтобы заняться сексуальной игрой с теми, кто откликается на его эротическое литературное соблазнение. Как *виртуоз литературной провокации* (Семен Шлямбур, ЛП 471), Армалинский наслаждается злобной реакцией своих корреспондентов, “страхом и трепетом”, охватившими тело общественности, вызванными ужасом перед ТЗ, который он воспринимает как сексуальное возбуждение, вызванное его публикацией: *Как радостно и как почётно вызывать сильные чувства у людей своими делами.* (ЛП 737).

⁵¹ Владимир Батшев. *Литературный европеец*, Франкфурт-на-Майне, Германия, 15 (1999).

⁵² Неонила Самухина, генеральный директор Санкт-Петербургского института Соитологии, рассматривает *Парапушкинистику* как *эпистолярный памятник, показывающий ограниченность советского и постсоветского литературного круга – мягко говоря – в их борьбе с эротикой как жанром и их дерзкие попытки приписать идолам человеческие характеристики, отлакированные цензурой* (*Penthouse*, Москва, 2006).

⁵³ *Penthouse*, Москва, 2007, июнь, с. 105

В своем стихотворении *Сколько писано такого* (1988)⁵⁴ Армалинский демонстрирует готовность беспрестанно вызывать дрожь и трепет у общества своим свободным, неподцензурным языком и своей раскованной литературой:

Сколько писано такого,
от чего остался прах,
но зато разбил оковы
и свободен на словах.

Я скажу теперь такое,
от чего по телу дрожь,
в этом самое людское,
всё – твоё, но тут не трожь.

Я же тронул. Получая
наслаждение, толпа
требует, души не чая,
продолжения тома.

По аналогии с миссией пушкинистов защищать и охранять имя и честь Пушкина, у Армалинского развивается своего рода мессианский комплекс спасителя, он выволяет русскую культуру, язык и литературу из советских когтей. Он воспринимает публику как получающую наслаждение от его действий и «души не чающую» в продолжении сексуального возбуждения. Ощущение так называемой «тазовой пульсации» является одной из стадий женского оргазма (Masters and Johnson, 136). Это произвольное сокращение влагалища – это то, что Армалинский хочет распознать в содроганиях тела

⁵⁴ М. Армалинский, *По обе стороны оргазма*. Стихотворения 1964–1988, Миннеаполис: M.I.P. Company, 1993. с. 89

общества, ибо только эти генитальные конвульсии и пульсации станут свидетельством оргазмов, его и его возлюбленной.

В данном случае, *Наслаждение от текста* Ролана Барта полезно для анализа действий Армалинского, особенно учитывая, что термин *jouissance* также означает «оргазм». Барт показывает, что текст вызывает эйфорию, поскольку он *исходит из культуры и не порывает с ней*, но в то же время (эротическое) блаженство от текста, приносит дискомфорт, поскольку он потрясает *исторические, культурные, психологические установки читателя, его устоявшиеся вкусы, ценности, воспоминания и доводит его отношения с языком до разрыва*. Наслаждение от текста превращает читателя в двойственное своенравное существо – *он радуется себе (то есть своему наслаждению) и в то же время хочет от него избавиться (что делает его счастливым)*.⁵⁵

Тайные записки Пушкина — это текст, который провозглашает гедонизм и разрушение культуры. Получается, что Армалинский является избранником, ответственным за вызывание сексуального возбуждения в теле общества и доведения его до оргазма:

Мне было ясно многое давно,
но лишь теперь обрёл я убежденье,
что дело мне великое дано,
и я свершу его без принужденья.

(«Глазок на бересте уставился в меня», *По обе стороны оргазма*, с.94).

Это стихотворение было написано в 1986 году, в том же году, когда Армалинский опубликовал *Тайные записки*. Поскольку «дело» может относиться к публикации ТЗ, оно также намекает на половой акт, в то время как глагол «свершу» указывает на сексуальную кульминацию.

⁵⁵ Roland Barthes, *The Pleasure of the Text*, trans. Richard Miller, New York: The Noonday Press, 1990, p. 14.

Армалинский предполагает, что этот блаженный момент оргазма произойдет в двухсотлетие со дня рождения Пушкина:

Телодвижения прессы по поводу «Тайных записок» с каждым годом увеличивались по амплитуде и частоте – близился оргазм: 200-летие со дня рождения Пушкина (ЛП 473).

Парапушкинистика, пишет он, регистрирует эти *сейсмические явления*. Армалинскому удастся всколыхнуть русскую землю и спровоцировать порнографическое землетрясение. Подобно Богу, который потрясает землю своим голосом и который обещает: *ещё раз потрясу не только землю, но и небеса (Евреям 12:26)*, всемогущий бог Армалинский обещает русскому обществу оргазм, то есть будущее потрясение, которое будет значительно сильнее, чем начинающееся трепетанье тела.

Армалинский считает, что советская антирелигиозная политика открыла место для абсолютной свободы в создании собственной религии:

Спасибо Советской власти за счастливую жизнь, которая позволила мне верить в моего бога... (Максимализмы, 376).

Как оказалось, советская система позволила ему поверить в порнографическое «я» и сделать себя богом с собственным молитвенным домом *Храмом гениталий*, откуда ему будет разрешено проповедовать свою порнорелигию. Армалинский излагает своё кредо в своих восьми порнозаповедях. Как новое божество, в поиске апостолов, которые будут следовать за ним, он взывает:

Мне, основателю Храма, нужны апостолы и апостолицы, числом значительно более двенадцати.⁵⁶

В своем эссе *Гонимое чудо* Армалинский подробно останавливается на религиозных характеристиках оргазмического опыта: *Оргазм – это позывной Бога. И в этом его религиозная основа... Бог приходит на помощь с оргазмом, даруя людям временный отдых от страстей.⁵⁷*

⁵⁶ *General Erotic N38*, <http://www.mipco.com/win/GEr38.html>

⁵⁷ Михаил Армалинский *Гонимое чудо*, Миннеаполис: M.I.P., 1996, с. 126.

Оргазм – это постоянная связь человека с Богом, через которую он познает *Истину и достигает абсолюта*. Такая теологическая интерпретация оргазма помогает Армалинскому с обоснованием его идей и самообожествлением.

Если Россия ответит на его воззвание и испытает оргазм, следуя заветам Армалинского-бога, то она узнает абсолютную Истину (*Оргазм придет и всё расскажет, / и ничего не утаит* см. *По обе стороны оргазма*, 122), а потом немножко отдохнет, пока похоть не возродится снова. Именно в оргазме Армалинский и его родина должны объединиться.

Более того, этот союз раскрывается как мифологическое соитие славянского бога Перуна, бога грома, и Матери-Земли. Армалинский приобретает черты главы славянского пантеона своей громогласной пропагандой непристойности, предвещающая громы, которые заставляют землю сотрясаться (дрожать).

Борис Успенский считает, что во времена язычества непристойная речь насылала на Землю такие ненастья, как громы Перуна. Матерная ругань приобретает ритуальные характеристики магического соития с Землёй, символизирующей женщину, которую оскверняют. Тот, кто использует нецензурную брань, выступает в качестве демона, который в божественном соитии оплодотворяет землю (русскую землю, матушку Россию) своим скверным семенем. Ругань сотрясает небо и землю, а Земля в ярости насылает ненастья. При грозе или нецензурной брани земля «раскрывается, размыкается, разверзается и разваливается».⁵⁸ Успенский подчеркивает, что эсхатологический характер мифического соития имеет важное значение, так как в некоторых случаях оно предвещает конец света, конец Святой Руси (после краха Византии).

Аналогично, посредством ритуального соития Армалинский испускает мощную энергию, которая поначалу заставляет женское тело общества

⁵⁸ «раскрывается, размыкается, разверзается, разваливается», Б. Успенский, «Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии», Антимир русской культуры, Ладомир, М., 1996, с. 36.

широко раскрыться перед ним, а затем доводит до апокалиптического оргазма, знаменующего конец советской пуританской словесности.

Когда он взывает к Некрасовскому сеятелю, Армалинский подчёркивает похожесть мифического соития, становясь сеятелем сексуального знания, оплодотворяющего русскую почву, Землю. Порнография Армалинского вызывает сотрясение и раскрытие всех отверстий тела общества, что оборачивается крахом Святой Советской России.

Да здравствует коммунизм и свобода!

Чтобы достучаться до сознания советского человека, который воспитывался согласно строгим законам и указам Коммунистической партии, Армалинский с юмором представляет *Парапушкинистику* как новую партию, членство в которой достигается простой публикацией статьи, рецензии, или же любым ответом на ТЗ. Одному из своих оппонентов, Евгению Гришковцу, чья критическая оценка характеризует ТЗ как «чистую фальшивку и мерзость», Армалинский пишет в стиле, близком стилю партийного лидера: *«Поздравляю вас с вступлением в партию парапушкинистов. Партийный билет будет вскоре вам торжественно выдан в третьем томе «Парапушкинистики» (ЛП 511).*

Может ли эта известная социалистическая идея членства в партии объяснить огромное количество откликов на ТЗ? Может ли порно-идеология Армалинского успешно восстановить советские идеологические штампы и веру в светлое будущее?

Высокопоставленные лица партии парапушкинистов собрались в компании М.И.Р. в качестве группы ближайших соратников Армалинского, у которых одна и та же миссия – нести порнографию в повседневную жизнь России. Веря в светлое порнографическое будущее российского общества, они писали издателям и редакторам требования опубликовать ТЗ, писали меморандумы, язвительно отзывались на консервативный подход критиков к сексу, спорили с пушкинистами и читателями о сексуальности Пушкина, высмеивали их социалистический менталитет и узкий кругозор.

Издатель появляется под разными именами, в том числе Михаила Пельцмана, Михаила Армалинского и Джона Касла, директора издательства Александра Соколова, зам. директора Владимира Соколова, а также Давида Баевского – все они функционируют как единое тело и единый разум, чья

риторика, стиль письма, наглый юмор и остроумие, а также карающий язык очень похожи друг на друга. Вот почему не будет домыслом, что это один и тот же человек, скрывающийся за всеми этими героями.

Известный пушкинист Сергей Фомичев утверждает, что в *Парапушкинистике* Армалинский появляется под разными именами, как автор, издатель, редактор, критик и обличитель постсоветской цензуры:

*Я достаточно поднаторел в текстологии и по стилю вижу, что это всё тот же самый Армалинский, который делает вид, что у него целый аппарат (ЛП 597).*⁵⁹

Я представлю свои аргументы в пользу гипотезы Фомичева посредством изучения размышлений Армалинского в *Максимализмах*, чтобы более подробно рассмотреть его личность и виртуальные сексуальные эскапады.

⁵⁹ Существует также гипотеза, что Армалинский выдумал всю свою биографию в Америке и что его фамилия имеет польско-еврейское происхождение, Фельдштейнский (Виталий Коротич, ЛП 648).

Кто он, товарищ Армалинский? Что у него в порнографических планах?

*Мне нравится менять своё лицо,
чтоб всем не опознать одновременно,*

– писал Армалинский в 1975 году.⁶⁰

С тех пор как он предстал издателем ТЗ в 1986 году, Армалинского завалили всякого рода обвинениями от интеллектуалов и простых читателей, которых, как он чувствовал, ему нужно было поиметь и словесно, и сексуально. Для этой цели он придумал множество псевдонимов.⁶¹ Однако его литературные ипостаси не следует рассматривать просто как желание разнообразия, которое он ищет в женщинах, книгах и компьютерах. Размножение «я» возникает для защиты своего эго и обретает глубокий смысл в многократном проявлении мужественности, потому как это позволяет Армалинскому сексуально удовлетворять женское тело общества, доводя его до множественных оргазмов. Его подход к этой теме следует идее Masters and Johnson о двух основных физиологических различиях между мужским и женским оргазмом. Masters and Johnson обнаружили, что женщина способна испытывать многократные оргазмы, один за другим: «Во-первых, женщина способна быстро испытать новый оргазм после уже испытанного, если продолжить её возбуждать пока её возбуждение ещё не опустилось ниже плато. Во-вторых, женщина способна находиться в состоянии оргазма в

⁶⁰ *Состояние* Стихотворения Ленинград, 1975 <http://mipco.com/win/sostt.html>

⁶¹ Например, он публикует статьи и пишет письма под разными именами: Александр Сир, Давид Баевский, Геннадий Березин, Владимир и Александр Соколовы, и это лишь некоторые из них; он помещает в свой альманах эротической литературы *Соитие*, порнографические литературные произведения Льва Левича, Владимира Мирского, Сергея Халого и Евгения Спаса.

течение относительно длительного периода времени» (*Human Sexual Response*, 131). Аналогично, Армалинский считает, что после оргазма, в отличие от мужчины, который устаёт, охваченный чувством безразличия и подчас отвращения, простившись с желанием, женщина же готова и хочет испытать второй оргазм, а то и больше: *После оргазма становится более готова для другого хуя: она вся мокрая, она может кончить ещё и ещё, она жаждет ебли* (*Максимализмы*, 539).

Из-за биологических и психологических ограничений мужчины, Армалинскому-любовнику нужны множественные личности (пенисы), чтобы продолжить своё совокупление с ненасытным женским телом русского общества.

Он умудряется поддерживать возбуждение общества на уровне плато, поскольку его многофалличность продолжает разнообразную стимуляцию в бесконечных эротических оказиях. По Армалинскому, пресыщение мужчины приемлемо, только если оно кратковременно, в противном случае это симптом старости и приближающейся смерти. С помощью своих множественных пенисов Армалинский пытается *время пресыщения стремить к нулю, а время удовлетворения желания – к бесконечности* (*Максимализмы*, 539).

Игра во множественные личности проливает свет на то, как Армалинский, использует свои вымышленные истории о сексуальной жизни Пушкина, чтобы скрыть за ними свои собственные отношения с советским и постсоветским государством и российской публикой. Он также лепит свой художественный лик по образу Пушкина. Его многочисленные обличия и псевдонимы, присутствующие в *Паранушкинистике*, воспроизводят тенденцию Пушкина описывать себя в своих произведениях. Так что преумножение Армалинским самого себя также связано с изменчивостью и гибкостью личности Пушкина.

Армалинский превращает традиционный принцип *nomen est omen* (имя говорит само за себя) в игру значений, которая живёт во всей его порнографии. Хорошо продуманный выбор псевдонимов определяет

воинственно-сексуальный характер Армалинского и действия, которые его публичный образ принимает в разных ситуациях при взаимодействии с российским обществом. Поэтому нельзя упускать из виду этимологию ряда красноречивых имен:

Семен Дубровский (от лат. semen «семя» или сперма; *Дубровский* – название неоконченного романа Пушкина 1833 г.);

Спас (то же, что и спаситель, что подразумевает Спасителя людей Иисуса Христа);

Давид Баевский (Давид еврейского происхождения, означает «любимый»; Баевский обозначает искусного оратора, любителя рассказывать сказки (бай – рассказчик, сказочник; образовано от того же корня, что и красноречивый *ритор*, а также выражение сказывать байки *рассказывать истории или сказки*);⁶²

Александр и Владимир Соколов (Александр по-гречески означает *защитник народа*, Владимир – тот, кто правит миром (влад/владеть – править, мир-миром); Соколов – сокол предполагает мужество и доблесть, качества воина.⁶³ В фольклорной поэзии соколы часто появляются как два брата (два сокола));

Мирской (мирской, земной);

Минский (мина – мина, бомба; также персонаж из «Станционного смотрителя – Ротмистр Минский, соблазнивший и похитивший Дуню).

Конечно, самое значимое имя, требующее пояснения – *Михаил Армалинский*, выбранный в качестве главного псевдонима Михаила Пельцмана. Кажется весьма показательным, что Пельцман даёт своё истинное имя *Михаил* первенцу-псевдониму *Армалинский*, придуманному ещё в Советской России. Михаил происходит от еврейского имени Михаил, что означает «равный Богу / кто подобен Богу». Акт самообожествления оказывается одним из самых мощных стратегических ходов в «еврейской» битве Армалинского с порнографией против русского общества. Выбор его

⁶² См. раздел «БАЕВ» в деле Ю.А. Федосюк, *Русские семьи*. Популярный этимологический словарь, Москва: Флинта: Наука, 2011.

⁶³ На <https://slovari.yandex.ru>, последнее посещение. 4 марта 2016 г.

фамилии Армалинский продолжает интриговать его читателей и оппонентов. Подходя к «этическим принципам» Армалинского относительно ТЗ с иронией, Александр Лацис ищет корень псевдонима *Армалинский* в латинском эквиваленте слова «armalinus», означающего горностая, а затем во французском языке, где оно имеет образное значение «человека незапятнанной чистоты» (ЛП 756).

Я иду на шаг дальше, предлагая, что для того, чтобы понять, что скрывается за этим именем, нужно следовать подсказкам, которые сам Армалинский дает своим читателям. Он направляет читателей на поиск слова «малина» в центре его псевдонима и дополнительно разъясняет его значение в его жизни:

С детства обожаю малину. И цвет мой любимый – оттенок малинового. И первая девушка, которую впервые суперстрастно хотел, носила фамилию Малинина. Да к тому же существуют такие разномерные описания райских чувств как: жизнь — малина, малиновый звон, воровская малина. Не говоря уже о фамилии «Армалинский», где малина светится в середине слова.» (Максимализмы, 535).

Как следует из этого абзаца, Армалинский органически связан с малиной. С самого детства малина всегда ассоциировалась с женщинами и чувствами обожания и страсти. Позже она стала символом сексуального наслаждения и удовлетворённости, а также со свободой и беззаботной и счастливой жизнью. Учитывая свойства, которыми наделяют малину, она становится символом нонконформизма, желанной плодородной почвы (кроме Советской России), где можно свободно процветать.

Кроме того, в советском обществе малина считалась недоступной роскошью *была не по карману* (Максимализмы, 535). В СССР Михаил жаждал малины во всех её переносных и прямых значениях

в детстве я никогда не мог малиной наестся..., в ленинградских магазинах она не продавалась, только на рынке.

В детские годы Михаила малина приобретала таинственные свойства, когда он ночью воровал яблоки в соседском саду на даче. Бесценная, как философский камень, малина становилась недоступной *в советской темноте (её увидеть в темноте было невозможно)*, где только яблоки сияли под лунным светом *(Там же)*.

Легкодоступные яблоки, греховный плод, который напоминает о сексуальном любопытстве Адама и Евы, сопоставлены с могущественной малиной. Малина как запретный плод символизирует советскую политическую задачу по созданию асексуального общества, в котором энергия похоти оказывается неиспользованной, соответствуя антипотребительской пропаганде.

Но в эмиграции свежая малина была в изобилии:

В Америке всё резко изменилось: вместо гнили в каждом grocery store было навалом свежестей и, в том числе, малины... Так что голод по малине я легко и основательно удовлетворял. (Там же).

Армалинский сразу же ассоциирует Америку с плодородной почвой, на которой происходит массовое произрастание малины, где он, Ар-Малин-ский, мог начать расти как свободный человек и порнограф. Армалинский вскоре начинает сам выращивать собственную малину на участке позади своего дома в Миннеаполисе.

В словаре русских народных говоров глагол «малиниться» означает «разговаривать о любви», что Армалинский и делает в своей экстремальной литературе.⁶⁴ Кроме того, приставка «ар» в Ар-малин-ском означает ар, метрическую единицу площади, равную 100 квадратным метрам, которая происходит от латинского «агеа» – открытое пространство.

Высаживая свой малинник в Америке, Армалинский входит в пространство свободы, чтобы открыто говорить и писать о любви. Сам процесс посадки малины на его участке, описанный в заметках Армалинского, показывает, как американская плодородная почва, вспаханная свободой слова, становится утробой, которая приветствует семена его любви.

⁶⁴ *Словарь русских народных говоров*. Т. 17. Ленинград: Наука. 1981, с. 327.

Более того, этот образ показывает, как Армалинский, будучи сам малиной, распространяется по этому воображаемому ару на Западе, умножая себя на свою М.И.Р. “воровскую малину”. Одна вещь, которую он высоко ценит в малине, это то, что она легко разрастается:

Всё началось с шести маленьких ершистых палочек со сморщенными мордочками листочков, которые я воткнул в землю, полил, и дождь продолжил моё «мокрое» дело. Через четыре года выросли заросли, в которых едва можно рассмотреть меня, забравшегося в середину. (Максимализмы, 536).

Такая мифологичность оплодотворения земли служит Армалинскому для усиления образа его мужской силы в «мокрое дело», которое подразумевает момент оплодотворения. Двойники Армалинского растут, как его ершистые малиновые палочки, которые в своей твёрдости обретают фаллические свойства. Образ шести растущих и твёрдых малиновых палочек несёт переносное значение для шести «я» Михаила: Пельцмана и его пяти сотрудников в компании М.И.Р. (два Соколова, Армалинский, Касл и Баевский) – высшей номенклатуры партии парашушкинистов.

Эти псевдонимы постепенно размножаются, превращаясь в группу персонажей, и тем поддерживают эротическую фантазию Армалинского о множественности фаллосов и их маскировки псевдонимами, а сам он остаётся невидимым в гуще малинника. Это то, что он называет постоянно счастливой и свободной жизнью: *...поистине, не жизнь, а малина. Сплошная малина. (Максимализмы, 536).*

Образ посадки малины вызывает в памяти ещё один эпизод из детства Пельцмана, который раскрывает травматический опыт маленького Михаила, познающего свой первый урок сексуальности. Однажды пятеро его дачных друзей берут Михаила с собой в лес, чтобы поиграть в некую игру.

Оказавшись там, они снимают штаны, обнажают свои члены и начинают играть с ними:

«Нас было человек шесть. ...Все хуёчки были необрезанные и мягкие, и мальчики занимались тем, что оголяли головки и рассматривали их друг у друга. У меня был обрезанный и потому на меня почти не обращали внимания.» (Максимализмы, 386).

Шестеро из них участвуют в этой эротической игре «самопознания» в лесу, подобно шести маленьким малиновым палочкам в саду Армалинского. В то время как всем остальным мальчикам нужно оттянуть крайнюю плоть, как символическую маску или капюшон, чтобы обнажить свои головки-лица, у Михаила нет такого прикрытия на головке. В этот момент он неизбежно становится постоянно открытым главой (головкой) группы, благодаря тому, чего у него нет, и, отсутствие чего нельзя скрыть.

Травматический опыт инаковости оказывает на Михаила тот же эффект, что, по Фрейду, и на девочку, которая обнаруживает своё анатомическое отличие, когда она видит пенис мальчика. Девочка сразу осознает отсутствие у неё фаллоса, что вызывает желание иметь его. Нехватка крайней плоти в случае Михаила видится как отсутствие пениса (если обрезание понимать как очевидный факт его инаковости как еврея), и, таким образом, он играет роль девушки, которую игнорируют в этой игре.

Согласно Фрейду, первая реакция мальчика на открытие полового различия в гениталиях девочки заключается в том, что он либо не замечает его, либо отрицает то, что видит. Таким образом, «зависть к пенису», которую Фрейд приписывает женщине, становится ведущей силой в поисках Михаилом заменителя пениса на протяжении всей его жизни. Все псевдонимы, которые он надевает на свое публичное лицо, как маски, выглядят заменителями крайней плоти для его обнажённого пениса. Псевдонимы становятся амулетами Армалинского, надеваемыми им на его собственное тело. Таким образом, страх кастрации в сочетании с желанием

восполнить отсутствие пениса (крайней плоти) укрепляют механизм маскировки, который восстанавливает мужественность Армалинского, и так утверждается фаллоκραтия. Они становятся необходимыми для его бесповоротного вторжения в словесный диспут, то есть согласно Лакану⁶⁵, являются вхождением в язык, являющийся “символическим порядком”.

Пропорционально растущему числу членов «Парапушкинистики» со временем увеличивалось и число ведущих “деятелей партии”. В издании *Парапушкинистики* 2013 года они представлены целиком в редакционной коллегии, в которую входят пятнадцать псевдонимов Михаила Пельцмана, в то время как главным редактором является сам Армалинский. Редакционная коллегия возникает как малиновый сад его вымышленных персонажей, не редакционная коллегия, а скорее – редакционный малинник.

Это особое «академическое» издание, которое содержит и *Тайные записки*, и *Парапушкинистику*, демонстрирует, как Армалинский манипулирует советским понятием “партийности”, чтобы узаконить свою литературную порнографию. Его “партийные” маски включают ещё одно уважаемое советское учреждение – академическую книжную серию «Литературные памятники» (ЛП). Армалинский копирует типичный том, изданный этой классической советской (а после 1992 года и российской) книжной серией, чтобы подорвать её фундамент и тем самым усилить юмористический эффект. Поскольку серия ЛП известна тем, что публикует только канонические и признанные литературные произведения под эгидой Академии наук СССР/РАН, Армалинский сознательно берёт его в качестве орудия для высмеивания. Его порнография, спрятанная внутри узнаваемой обложки «Литературных памятников», предстаёт как новый литературный памятник (Литературный памятник Армалинскому), воздвигнутый для

⁶⁵ Jacques-Marie-Émile Lacan; 1901- 1981 французский психоаналитик, философ (фрейдист, структуралист) и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа. (Примечание переводчика)

подрыва российского чиновничества изнутри, вместе с его пуританским и фальшиво элитарным подходом к литературе.⁶⁶

Партия парашушкенистов основана на колоссальном расхождении между идеологиями и речами её лидера и её членов. Армалинский классифицирует состав партии как *самое большое и смешное сборище дураков, подлецов и нескольких честных и умных людей*.⁶⁷

Парашушкенисты жадно хватаются за советский метод подхода к подозрительному, безнравственному литературному тексту и, не читая книгу, отбрасывают ТЗ, называя её грязной порнографией. В советском стиле, *никто из парашушкенистов, замороженных именем Пушкина на обложке и словом «Пизда» на первой же странице, толком эту книгу до конца не прочёл и не понял* (Ольга Воздвиженская, ЛП 345).

По мнению советского общества, цель партии Армалинского заключается в том, чтобы продолжить давнюю практику посмертной ненависти к Пушкину. Деятельность эта рассматривается как работа *антипушкинской партии*, о которой упоминала Анна Ахматова и которая *сегодня... как никогда, ожесточена и агрессивна* (Скатов, ЛП 584).

Как вождь партии, Армалинский во многом копирует Сталина. Он выступает как главный партийный лидер, ближайшие последователи которого, являются его клонами и говорят одним и тем же языком. Это язык, который взывает к сверхнепристойности, язык свободного человека будущего с тенденцией стать универсальным единым языком мира. Katerina Clark утверждает, что одержимость непристойным языком и сексуальной раскрепощенностью в поздне-советской культурной продукции,

⁶⁶ Сравнивая ЛП Армалинского с советскими/российскими ЛП, можно обнаружить: на первой странице вместо Академии наук СССР (или России) стоит М.И.Р. ; вместо редколлегии серии, которая обычно состоит из видных академиков, филологов и членов-корреспондентов Академии наук, стоит редакционная коллегия Армалинского, состоящая из всех его псевдонимов; должность ответственного редактора тома занимает сам Михаил Армалинский.

⁶⁷ Так отозвался Армалинский, объявляя 4-е издание Парашушкенистики – см. *General Erotic № 104*, <http://www.mipco.com/win/GEr104.html>

по-видимому, знаменует конец жестоких ограничений социалистического реализма и идеи «единого и унифицированного языка»⁶⁸.

Прокладывая путь сквозь социалистический лексикон как в своих литературных работах, так и “в прямом эфире”, в театральном представлении *Парапушкинистика*, Армалинский демонстрирует, в чём состоит его постмодернистский «скорбный труд» – в замене «единого языка» другим, а социалистической правды – «оргазмической правдой», которые являются предпосылкой для личного и всеобщего счастья.

Более того, сталинское понимание неизменности языка оказывается образцовой моделью для развития порнографического словоизлияния. В своей статье *Марксизм и вопросы языкознания* Сталин утверждает, что язык как общее средство общения, используемое всеми людьми, не меняется, несмотря на происходящие изменения, затрагивающие общество, будь то экономические, правовые, философские или политические. Изменяется словарный запас, а не основные языковые законы. Поэтому, заключает Сталин, *язык может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, поднимающийся строй*.⁶⁹

Аналогичным образом, Армалинский предлагает «новую» непристойную лексику и порнографические выражения, в то время как базисная «грамматическая система» и языковые правила, передаваемые как основной принцип и структура советской речевой практики, остаются прежними. Русский язык снова служит для поддержания двух совершенно различных систем, старой асексуальной социалистической культуры и нового гиперсексуального культурного устройства.

Для Армалинского знать язык означает обладать сексуальной силой. Безупречное знание языка, утверждает Армалинский, *помогло Николаю*

⁶⁸ Katerina Clark, “Not for Sale: The Russian/Soviet Intelligentsia, Prostitution, and the Paradox of Internal Colonization,” *Stanford Slavic Studies*, Vol. 7, 1993, pp. 200-203.

⁶⁹ И. В. Сталин. *Марксизм и вопросы языкознания*.
<http://www.philology.ru/linguistics1/stalin-50.htm>

Павловичу довести дело до конца и перевести ТЗ на русский язык (ЛП 6). Сексуальная сила, возникающая при переводе с одного языка на другой, награждает переводчика полным удовлетворением – «доводит дело до конца». Проведение Пушкина через процесс перевода делает его товаром на образном рынке словесной торговли. В понимании Армалинского, язык писателя, как и мужская половая функция, *старится и умирает* (ЛП 8). Поэтому устаревший и ослабевший язык Пушкина-отца обогащается новой сексуальной энергией, жизненной силой и молодой кровью его потомства.

Психоаналитические теории указывают, что тесные отношения ребенка с его матерью являются источником формирования языка. Эмиграция, как символическое отделение от тела матери (Советской России), лишает Армалинского главного объекта любви, оставляя его с (социалистическим) языком как последней оставшейся связью (*Единственное неотъемлемое, что остаётся от родины, — это язык*, утверждает Армалинский в «Добровольных признаниях – вынужденной переписке»).

Но без материнского тела родной язык не может сохраниться. Следовательно, ребенок становится независимым и остается создавать новую идентичность в рамках нового языка. Армалинский развивает альтернативный язык, отправляясь в путешествие в мат (непристойность), посредством которого он символически воссоздаёт союз с матом (матерью). Армалинский рассказывает, что

...использование непристойностей и мата стало результатом медленного процесса познания себя, своей и чужой сексуальности. Одним из результатов этого процесса сформировалось моё нежелание словесно лгать, притворяться и прятаться от себя. Избавление от ложного романтизма, который есть не что иное, как проявление сексуального невежества, сопровождается необходимостью точно и прямо выразить раскрывшуюся суть.⁷⁰

⁷⁰ Личная переписка, 21 июня 2015 г.

Через непристойное вербальное взаимодействие с телом общества Армалинский стремится почувствовать тело матери, включая тепло в матке и прикосновение к груди как первое оральное удовлетворение. Однако сама мать не узнаёт этот язык и даже отказывается от его. Вместо этого, мать превращается в мачеху: «плохую мать», которая лишает ребенка удовольствия, вызывая у него чувство гнева и агрессии по отношению к груди и ко всему женскому телу.⁷¹

По Армалинскому повторение является частью процесса соблазнения женщин, которое основано на советских разговорных клише: *Получалось волшебство — говоришь одни и те же слова, а получаешь разные пизды — это ли не сказка?* (Максимализмы, 408).

Так он и его сотоварищи используют повторения в *Парапушкинистике*, например, запрашивая «почему ТЗ не издается в России?» Эта шаблонная фраза, с помощью которой они пытаются добиться внимания матери, задавая этот вопрос различным соперникам, участвующим в этом половом акте. Таким образом, *Парапушкинистика* функционирует как нескончаемая порнографическая повесть.

Армалинский усваивает урок повторения в делящейся сексуальной активности, когда ещё будучи ребёнком, он наблюдал за волнистыми попугайчиками, которые ежедневно совокуплялись по много раз. Он переносит это словесное сексуальное поведение, которое он называет *попугайничанье*, в свои эротические перформансы, *всё, что оставалось мне, человеку — это попугайничать, чем я вскоре и стал заниматься* (Максимализмы, 395). Это животное и чисто инстинктивное поведение

⁷¹ По теме отношений «хорошая/плохая мать» и ребенок см. Margery Durham, “The Mother Tongue: Christabel and the Language of Love,” in *The Mother Tongue*, Ithaca: Cornell University Press, 1985, pp. 169-193.

представляет собой ещё один важный компонент в его идеологии порнографии.

Попытки Армалинского пересмотреть социалистическую риторику представляют собой разрушающе-восстановительную постмодернистскую игру. Он предполагает, что, овладев правилами игры, на которых построено общество, человек имеет две возможности:

...нарушать эти и создавать другие или с усиленным энтузиазмом броситься им подчиняться? В любом случае будет создаваться игровая ситуация с теми или иными правилами. Вне игры человеческое общество не существует. (Гонимое чудо, 113).

Армалинский совершенствует советский образ писателя и вождя для создания своего собственного утопического мира и культа личности. Если «пушкиномания» достигла своего апогея при советской власти, то «пушкинопорнономания» расцвела при товарище Армалинском. Если канонический Пушкин был превращен в образец для Homo Sovieticus посредством неуклюжих сравнений со Сталиным, то Пушкин в ТЗ стал прототипом «Нового порно-человека». ⁷² Поначалу его язык, личность и дела отражают и олицетворяют советский мир, они используются как хорошо изученная формула социалистической волшебной сказки и советского миража, но потом зеркало разбивается вдребезги, а с ним и этот советский монстр вместе с его словоблудием и навязанным образом советского человека.

⁷² Это явный намек на Нового Советского Человека (идеального советского гражданина, человека будущего, который развивается в соответствии с политической программой Коммунистической партии; человека, который сумел овладеть своими чувствами и инстинктами, способствуя развитию высокой сознательности и абсолютной политической грамотности). Порнография, заменяющая советскую идеологию, рассказывает о том, как она является в форме новой революционной идеологии, которая должна преобразовать советского человека и высвободить его инстинкты, страсти, извращения и т. д.

Когда Армалинский добирается до ядра социалистической идеологии, он уже может использовать его для создания Нового Порно-человека, со всеми его освобождёнными сексуальными инстинктами, потребностями и наслаждениями. Новый Порно-человек свободен, и ему разрешено заниматься сексом; он обязан достигать сексуального удовлетворения, потому что только через оргазм он может утверждать своё истинное существование. Противопоставлением идеальному советскому человеку, у которого красивое большое и здоровое мускулистое тело, является Новый Порно-Человек, идентичность которого определяется лишь его гениталиями (эта идея воплощается в «Храме Гениталий»).

В порнографическом мире Армалинского в основе своей – погоня за разнообразием гениталий и демонстрация их абсолютной красоты.

Новый порно-человек – сказка в советском стиле

Всю свою жизнь Аг мечтал о путешествии, которое стало бы для него началом новой жизни, так что, когда ему предоставилась возможность переселиться в будущее, он ухватился за неё обеими руками.

Так Армалинский начинает свою порнографическую сказку *Путешествие в сторону* (1989), которая и является истоком Нового порно-человека.⁷³ Аг добровольно отправляется в рискованное экспериментальное путешествие в другую галактику, надеясь найти лучшее государственное устройство, которое заменит общество на Земле, которое стало его невыносимо раздражать. Для продолжения рода молодая женщина, Лю, выбирается в качестве спутницы Ага в этом путешествии в будущее.⁷⁴

Путешествие в сторону перекликается с «главным сюжетом» раннего социалистического реализма, показывая Ага и Лю как положительных героев, проходящих «ритуальную трансформацию», которая начинается с их путешествия в идеальный мир будущего, за которым следуют изменения в

⁷³ Опубликовано в Альманахе эротической литературы Армалинского *Сoitие* М.І.Р., 1989, как отрывок из романа Давида Баевского на <http://www.mipco.com/win/soitt.html>

⁷⁴ Армалинский здесь иронизирует над советской космической программой и её пропагандой. Он придумывает Ага, чтобы изобразить советского героя Юрия Гагарина, первого человека, полетевшего в космос. Имя Аг наводит на мысль об аббревиатуре отчества и фамилии Юрия: Алексеевич Гагарин.

сознании главных героев.⁷⁵ Диалектика инстинктивности/осознанности, которая присуща всякому герою соцреализма, в истории Армалинского оказывается бесхитростна до пародии.

Переделывая сталинского Нового Советского Человека, Армалинский по сути переворачивает модель соцреализма с ног на голову. Следование инстинктам показано как «конечная стадия исторического развития», т. е. порнография, но не полностью оторванная от осознанности. Сексуальные инстинкты и естественная реакция на эротические импульсы становятся главной силой личности, но только если они строго контролируются и направляются порноидеологией общества. Как же выглядит общество Нового Порно-человека?

Армалинский представляет себе утопическое сексуальное общество, которое будет перенесено с Земли (символически с Советской земли) на

⁷⁵ В *The Soviet Novel: History as Ritual* (Bloomington: Indiana University Press, 2000), Katerina Clark показывает, что главной чертой романа социалистического реализма является «ритуал», понимаемый как бездумное повторение литературных шаблонов, присутствующих в каноне социалистического реализма, посредством которого формируется единый главный сюжет. Эта ритуальная модель далее создаёт строгую систему знаков социалистического реализма, которая придаёт конкретное значение всем литературным приёмам, используемым писателем при создании настоящего «партийного» романа. Такие ритуалы обязательно охватывают изменения и исторический прогресс литературного героя, т. е. диалектику инстинктивности/сознательности: переход от инстинктивного и анархического поведения к полной политической грамотности и полному самоконтролю. «Конечная стадия исторического развития – коммунизм – достигается в конечном синтезе», который примиряет две противоборствующие силы, уступая величайшему «триумфу сознания», стирающему противоречие «естественной реакции людей и наилучших интересов общества». Однако, как отмечает Clark, самый большой парадокс жесткой ритуальности социалистического реализма заключается в том, что она разрушает себя изнутри, поскольку лишь незначительные изменения и реорганизация знаков могут привести к созданию в полной мере антисоциалистического реалистического произведения. Хотя система знаков составляет ритуал, тем не менее, она оставляет место для новых значений и интерпретаций. Поэтому те, кто критикует соцреалистическую литературу, «часто используют готовый код или систему знаков социалистическо-реалистической традиции». Именно это делает Михаил Армалинский в своем незаконченном романе *Путешествие в сторону*. Он использует готовые коды и формулы соцреалистического романа, стремясь открыто переиначить основы, созданные социалистическим идеологическим повествованием.

другую планету. Общество функционирует как тайная секта из 500 000 людей, которые скрывают свои настоящие имена и носят балахоны с капюшонами на головах, чтобы их лица не были видны другим. Вместо открытых лиц у потусторонних людей обнажены гениталии, и все участвуют в публичных массовых оргиях. Только два главных представителя общества – Муж и Жена – выступают в качестве наставников, обучая Ага и Лю правилам и нравам своего общества и просвещая их о порноидеологии.

Подобно утопическим социалистам, Армалинский называет их Муж и Жена, чтобы представить нуклеарную семью, чьи семейные связи передаются всей секте как «верховой семье» через массовое совокупление.⁷⁶ Таким же методом секс выходит за рамки частной сферы и, в конечном итоге, переходит в общественное достояние – на площадь, где происходят массовые оргии. Армалинский представляет общество, в котором люди имеют абсолютную свободу искать бесконечное разнообразие гениталий, то есть партнеров. Это как если бы задумка Eric Naiman «секса при народе» становится буквальной, а ранняя советская озабоченность сексом отражается в поздне-советской порнографии.⁷⁷

Обитатели галактики имеют иное исчисление времени, поскольку они считают оргазмы, а не годы. Советская идея ускорения времени движения к светлому будущему появляется как плодотворная метафора в порнографическом мире Армалинского. Понимание Армалинским призыва «Время, вперед!» превращается в винегрет из советских концепций производства, воспроизводства и коллективизма, приправленных

⁷⁶ Clark утверждает, что отношения наставника/ученика и модель «высшей» семьи (партия, советское государство, идея политических и общественных интересов, заменяющих интересы основной семьи) являются общими моделями в соцреалистическом романе.

⁷⁷ Eric Naiman, *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*, Princeton University Press, 1997.

сексуальными фантазиями.⁷⁸ В *Гонимом чуде* Армалинский отмечает, что если гениталии – это то, что на самом деле связывает нас с будущим через наше потенциальное потомство, то именно оргазм (рассматриваемый как «маленькая смерть») ускоряет время и нарушает его линейность. После оргазма (смерти) начинается настоящее будущее:

И таким образом мы в жизни перескакиваем в будущее посредством гениталий, используя рычаг оргазма. Оргазм — это способ скачка во времени, из прошлого — до оргазма — в послеоргазменное будущее.
(*Гонимое чудо*, 129).

Армалинский считает, что люди являются по-настоящему свободными только в момент оргазма, и поэтому они должны стремиться к оргазму когда и как только могут, и с кем хотят. Армалинский переделывает ударников труда сталинской культуры, которые постоянно стремятся побить производственные рекорды, в ударников-ёбарей утопического сексуального общества, и они делают всё возможное, чтобы достичь оргазма.

Оргазм становится рабочей нормой. Этот поиск наслаждения делает и женщин, и мужчин исключительно активными в стремлении достижения оргазмов, что есть единственный способ успешно переделать общество и создать новое порнографическое будущее.

Представленная как прямая противоположность пролетарской женщине, которая из-за тяжёлого труда превратилась в бесполое существо, сотрудника по работе, – женщина в утопическом обществе Армалинского возвращает себе утраченную женственность, но только для того, чтобы стать идеальным сексуальным объектом. Новая Порно-женщина в фантазии Армалинского находится в состоянии постоянного эротического возбуждения и способна

⁷⁸ Ссылаясь на время ускорения, когда Коммунистическая партия считала идеальное будущее своим высшим принципом. Также это напоминает одноимённый советский роман Валентина Катаева 1932 года.

достигать оргазма в каждом соитии. Лишенная безразличия и отвращения, которые могут лишить её радости полового акта, она испытывает наслаждение, даже если её берут силой, или она находится с мужчиной, который ей не нравится, или когда она просто не в настроении. В интерпретации Армалинского, равенство полов заключается в том, что женщина становится равной мужчине, пребывая в постоянном возбуждении и готовности испытать очередной оргазм.

Главная задача общества – обеспечить сексуальное удовлетворение населению – осуществляется с помощью всеобщего группового секса, который избавляет людей от враждебности и агрессивности.

Муж и Жена утверждают: *Вся наша агрессивность снимается беспрепятственными совокуплениями.*

Сексуальная неудовлетворенность, по их мнению, является причиной войн между народами в прошлом. Армалинский использует этот аргумент для объяснения причины почему общество воюет с ним и ТЗ так непримиримо и враждебно. В том же ключе, что и Сталин, Армалинский хочет, чтобы его воспринимали как вождя и учителя в исторической битве за преобразование общественной жизни и как великого борца за мир. Армалинский, создатель нового образа жизни и реформатор сексуальных отношений между людьми, захватывает область советской сексуальности (особенно коммунистической солидарности и любви-товарищества, включая стремление удовлетворять потребности всех членов общества). Надеясь коллектив (совокупляющееся тело общества) преимуществом группового секса, Армалинский стремится к победе порно и освобождению людей от ига социализма и русских культурных запретов. Эта идея, что Новый Порно-Человек совершает великие подвиги, приводя коллективный социальный организм к оргазму, движет титаническими действиями Армалинского в лингвистической массовой оргии с публикой. Эта новая порно-мораль стимулируют его приложить героические усилия для достижения общественного оргазма, чем будет публикация ТЗ в России. Он выбирает символическую генитальную

битву с СССР, в которой эротическое блаженство и непристойный язык текста заменяют смертельное оружие.

Однако, слово действительно только, если оно написано и опубликовано. Люди сексуального общества общаются через все отверстия тела, помимо рта. Общество накладывает табу на рот, запрет на речь, потому что оно полагает, что

все беды происходят не от чего иного, как от способности человека разговаривать, а вернее болтать, обещать и не выполнять, вводить в заблуждение. Раньше даже путь к совокуплению был прегражден бесконечными разговорами. (Путешествие в сторону).

Армалинский не хочет просто говорить о сексе и ничего не делать, а он хочет *словесно ебать кого и как угодно*. Сексуальное наслаждение гениталий заменяет в его игре советскую пустую речь. Сам Армалинский скрывается под капюшоном, когда он кажет публике свой обнаженный еврейский фаллос и скрывает свою истинную личность за различными псевдонимами. Он переворачивает установленный советский порядок и возносит себя в пантеон советских богов, откуда он вещает о человеческой страсти, сексуальном влечении и удовлетворении, творя свою порнографию.

Тайные записки изданы в России!

И что после этого происходит

В течение пятнадцати лет Армалинский поддерживал сексуальное возбуждение в обществе, ожидая, что овладеет его гениталиями в полной мере, а именно, что в России издадут его произведения. Это, наконец, произошло в 2001 году, когда московское издательство *Ладомир* опубликовало ТЗ в серии под названием *Русская потаённая литература*. Заместитель главного редактора *Ладомира* Владимир Викторович Львов⁷⁹ объяснил, что их издательство является беспристрастным издателем, и они *не утверждают, Пушкин или не Пушкин писал это*. (ЛП 333)

По случаю первой публикации ТЗ в постсоветской России Армалинский провозгласил начало новой эры в истории русской литературы:

История развития русской литературы неразрывно связана с Пушкиным и делилась на три основных этапа: до Пушкина, время Пушкина и после Пушкина. Четвертый этап начался с публикации пушкинских «Тайных записок 1836–1837 годов». (ЛП 296)

Однако Армалинский рассматривал публикацию книги в России только как процесс проникновения, а не как завершение полового акта. Его целью было *довести российское общество до оргазма*, что лишь увеличивало страсть Армалинского к продолжению игры.

После ТЗ Ладомир опубликовал его избранные произведения прозы и поэзии под названием *Чтоб знали!* Этим изданием, похоже, Армалинский посылал российской публике сообщение: «Чтоб вы знали», что вас «ебут».

⁷⁹ В.В. Львов (1937 - 2009), критик, переводчик. Муж Ольги Геннадиевны Воздвиженской, автора предисловий к *Тайным запискам Пушкина*, *Парапушкинистике* и книге Михаила Армалинского *Чтоб знали!* Оба работали в издательстве *Ладомир*. (примечание переводчика)

Негативные последствия от сотрудничества с Армалинским, по словам Валерия Сердюченко, неизбежны, и это очевидно в случае с редактором Ладомира Воздвиженской, которая *соорудила для этих свинств философическое предисловие*. (ЛП 661). Сердюченко видит, что Воздвиженская *как женщина и мать* морально деградирует от сотрудничества с Армалинским и превращается в *женщину, говорящую*: “*Хочу е..я!*”⁸⁰ (Там же). Именно тело женщины, т. е. влагалище, пробирается к члену Армалинского.

К огромному удивлению Армалинского, российская пресса, которая много лет публиковала сотни статей о ТЗ до её публикации в России, теперь, когда она издана в России, отказалась упоминать её вообще. В отличие от Воздвиженской, которая, образно выражаясь, просит *чтоб её выебли*, женское тело общества осталось безмолвным. Армалинский расценил отсутствие реакции общественности на публикацию *Ладомиром* его ТЗ как молчание, которое, *помимо знака согласия, часто весьма красноречиво* (ЛП 714). Он интерпретировал эту неожиданную тишину как акт сексуального согласия, таким образом находя основания продолжить свою словесную порнографическую игру. Это напоминает интерпретацию Фрейдом женского «Нет» как обозначения желаемого «Да».

В своём исследовании Доры, Фрейд замечает, что её внутренний сексуальный конфликт прячется от страха перед её собственными чувствами и желаниями, и предполагает, что если её первоначальное «Нет» в сексуальном контакте *игнорируется, а соблазнение продолжается, то вскоре начинают появляться первые доказательства того, что в таком случае «Нет» означает желаемое «Да»*.⁸¹ Подобно Фрейду, Армалинский

⁸⁰ отсылка к рассказу Михаила Армалинского *Женщина, говорящая “Хочу ебаться!”* (примечание переводчика)

⁸¹ Sigmund Freud, *Standard Edition*, Vol. 7, ed. J Stachey, London: Hogarth Press, 1959, pp. 58-59.

практикует терапевтический метод распознавания сексуального желания у своего пациента – истеричной публики. Молчаливое русское общество предстаёт в образе женщины, которая после нескольких сопротивляющихся движений с покорностью принимает мужской член:

Женщина, которую плотно прихватывает незнакомец, кричит, отбивается, но чуть почувствует, что хуй введён, сразу замолкает и смиряется с судьбой. Так, если раньше российские критики изо всех сил утверждали, что «Тайные записки» – подделка и принадлежат Пушкину не могут, то теперь их молчание означает не что иное как знак согласия. Они поняли, что дальше сопротивляться бесполезно и пытаются получить удовольствие, без шума перечитывая «Тайные записки». (ЛП 715)

Получается, что обе пациентки, о которых идет речь – Дора и русское общество – пытаются сопротивляться мужской силе и действиям “врачевателя” с помощью молчания.

Однако Армалинский и его команда на этом не остановились. Поскольку *Ладомир* выпустил ТЗ малым тиражом, они продолжали посылать всем книгоиздателям предложение переиздать ТЗ массовым тиражом. В 2004 году Петербургское издательство *Ретро* согласилось на предложение Армалинского⁸².

Армалинский увидел более глубокий символизм этой публикации через метафору «исторических перпендикуляров». А именно, поскольку *Ретро* печатало ТЗ в типографии «Правда», той же, где был напечатан первый номер ленинской газеты *Правда*, Армалинский интерпретировал это так, что *революция начинается в том же месте*; что вместо ленинской правды грядет настоящая пушкинская правда. (ЛП 377)

⁸² см. об отношениях Армалинского с издательством *Ретро* в *General Erotic N201* <http://www.mipco.com/win/GEr201.html> (примечание переводчика)

Следующим шагом в продвижении книги стало русско-английское двуязычное издание ТЗ, опубликованное *Ретро* в 2006 году. Это был *подарок Армалинского международной общественности в честь двадцатилетия со дня издания ТЗ*. (ЛП 407) Двуязычное издание ТЗ стало для Армалинского ещё одной формой диалога России и Америки, Востока и Запада:

Ничто так не сблизит людей, говорящих на разных языках, как «Тайные записки» Пушкина. (ЛП 408)

Эта идея обретает более определенную форму в его романе, где Порнография – это место, где символическая переписка и воссоединение со страной, которую он покинул, становятся возможными.

Работая над массовым производством порнографии, Армалинский надеялся на оргазм. Для него оргазм – это великое

откровение, на которое тратится огромное количество духовной энергии (Гонимое чудо 126).

Критики Армалинского также признают его энергию и жизненную силу: *Энергия у этого деструктивного типа оказалась чудовищной просто аномальной.* (Сердюченко, ЛП 659).

Упорство и упрямство Армалинского в продвижении ТЗ и его решимость восторжествовать над советской и постсоветской цензурой рассматриваются как честолюбивый, маниакальный проект, аналогичный идеологическому манифесту Адольфа Гитлера:

Я охуеваю, господин Армалинский, от Вашей настойчивости. Это же битва века! Пиздец! Предлагаю вам издать все материалы за 10 лет в одной книге! Есть и название «Main Kampf». Успех гарантирован. (Владимир Толстый, ЛП 743).

Виртуальное соц-порно Армалинского приравнивается к фашизму.

Армалинский по-прежнему активно участвует в этом проекте освобождения постсоветского общества и вовлечения его не только в

разговоры о сексе, но и в сам секс, в писания о сексе – и всё для достижения максимального сексуального удовлетворения.

Тайные записки Армалинского

Увлечение Армалинского камуфляжем и маскировкой своей личности как писателя восходит к раннему детству. Будучи маленьким мальчиком, Михаил проявлял интерес к подражанию, узнаваемому по его интенсивному стремлению имитировать великих поэтов, таких как Пушкин и Есенин. В одном из своих мальчишеских стихов Михаил восклицает:

*Очень хочу писать стихи
Очень хочу подражать Есенину...
(Максимализмы, 509)*

Сильное желание подражания стало детской игрой, в которой Михаил, вложив клочок бумаги со своими стихами в том Есенина, читал свои стихи родителям, как будто он читал самого Есенина, предполагая, что они не могли заметить подлога: *читал свои стишок с бумажки, как я думал, не видимой им. (Там же.)*

Чтобы поддержать его, родители хвалили и делали Михаилу комплименты, не подавая вида, что они прекрасно видят его проделки:

Родители, скорее всего из желания меня подбодрить, хвалили, не подавая вида, что видят мои ухищрения. (Там же.)

Ещё одна вылазка в мир русского культурного канона произошла, когда учительница усомнилась в его способности написать стихотворение Онегинской строфой. Это оказалось легкой задачей для Михаила, за что в школе его признали гением:

Я написал всё сочинение онегинской строфой, чем произвёл фурор в школе. Мое версификаторство приняли за гениальность... (Там же., 394).

Весь процесс литературного творчества, замечает Фрейд, в некотором роде является объединением личных фантазий писателя, укорененных в опыте его детской игры, *творческое произведение... является продолжением и заменой того, что когда-то было детской игрой.*⁸³

Читатель здесь неизбежно приостановится, чтобы задать конкретные вопросы: перерастает ли это детское желание писать, как Пушкин, во взрослое желание быть похожим на Пушкина? Возможно ли, что слава и признание гения являются главным стимулом, который направляет Михаила на создание ещё одного подлога, такого как ТЗ? Исполняет ли взрослый Михаил свою мечту или, быть может, даже превосходит её, создавая *Тайные записки Пушкина*, в которых он становится не только величайшим поэтом в русской культуре, но, что более важно, «величайшим ёбарем» России? Следует ли рассматривать ТЗ как продолжение *Онегинских строф*, начатых в детской игре? Если да, то ожидает ли Михаил Армалинский от своей аудитории, что она будет играть роль его родителей и закрывать глаза на очевидную подделку?

Принять ли предположение литературных критиков и ученых о том, что ТЗ в целом является подделкой, созданной Армалинским, или поверить словам Армалинского о том, что ТЗ оказали на него столь сильное влияние, что оно ощутимо отразилось на его литературном стиле и на всей его жизни? Ведь внимательный читатель не может не заметить поразительного сходства между текстом ТЗ и писаниями Армалинского, даже в *Паранушкинистике*. Представляется, что в ТЗ кроются зашифрованные детали всей литературной стратегии Армалинского: его идеи, планы и озабоченность результатами в битве вокруг ТЗ.

⁸³ Sigmund Freud, *Creative Writers and Day-Dreaming*, *Standard Edition*, Vol. 9, p. 152.

*Писание и чтение написанного представляют собой лингвистически обоснованный способ интерпретации – первое есть запись реальности, а второе расшифровка этой записи.*⁸⁴

В связи с этим, ТЗ снова предстают как рукопись, которую нужно расшифровать, а её содержание перевести на понятный язык, как это когда-то сделал её первый читатель Николай Павлович.

В последующем анализе я покажу, что Армалинский тщательно спланировал каждый шаг своего публичного выступления в соответствии с текстом ТЗ. Разгадывая закодированные и символические значения текста в связи с действиями Армалинского, я прихожу к следующим выводам:

- Армалинский берет на себя роль Пушкина⁸⁵ и противостоит Дантесу,⁸⁶ который воплощает советское общество;
- Пушкин связывает себя узами брака со своей женой Натальей, которая становится человекоподобной копией рукописи ТЗ, с которой Армалинский-издатель вступает в супружеский союз;
- Пушкин организует своих друзей для оргий у Z. так же, как Михаил Пельцман собирает свой персонал в компании M.I.P. для участия в словесной оргии вокруг ТЗ.

⁸⁴ Annette Kolodny, “A Map for Reading,” in *The (M)other Tongue*, eds. S. N. Garner, C. Kahane, and M. Sprengnether, Ithaca: Cornell University Press, 1985, p. 249.

⁸⁵ В своем анализе ТЗ и *Необходимого предисловия* Воздвиженская проводит параллели между биографиями Пушкина и Армалинского (определенные события в их жизни, символика числа шесть и годы, которые отмечают время, когда раскрывается их судьба, борьба с цензурой, один и тот же город Петербург/Ленинград как литературный центр, и схожие чувства лишнего человека). На основе этих свидетельств она делает вывод, что *родство душ и биографий между двумя «я» очевидно и естественно*. (незаконченная статья Воздвиженской в ЛП, 345-348). Хотя под двумя «я» Воздвиженская подразумевает двух субъектов, данных в повествовании от первого лица («я» в ТЗ и «я» в *Необходимом Предисловии*), эта концепция двойника выступает как полезная alter ego-модель, которая в последующем анализе отражает мою идею о том, что порнографическое «я» Пушкина тесно связано с порнографической реальностью «я» Армалинского.

⁸⁶ Georges-Charles de Heeckeren d'Anthès, французский военный офицер, который в русской истории известен как соперник Пушкина, убивший поэта на дуэли в 1837 году. Я буду использовать русскую форму его имени – Дантес.

Всё вышесказанное приводит меня к выводу, что ТЗ превращаются в краеугольный камень для последующих сексуальных подвигов Армалинского. Поэтому я читаю *Тайные записки* Пушкина буквально как тайные записки Армалинского.

Моё исследование *Тайных записок Пушкина А. С. 1836–1837 годов*⁸⁷ направлено на то, чтобы показать, что Армалинский представляет свои собственные тайные записки как сценарий для постановки одиночных и групповых порнографических сцен в порнофильме «Парапушкинистики». Выступая в этом проекте в качестве режиссера, сценариста, продюсера и актера/ов, он переводит литературные образы и язык в более конкретную и осязаемую форму, тем не менее, оставаясь в пределах художественного воображения: в его театре известные ученые, журналисты, критики, издатели и «обычные» читатели добровольно играют свои роли.

Армалинский проявляет свой интерес к кинопроизводству и талант в режиссуре, когда в 2007 году он попытался снять *порнофильм высокого качества* на основе своего опыта. Он написал олигарху российской порноиндустрии Сергею Прянишникову с предложением принять во внимание мощь текста ТЗ, *как единственного произведения в русской литературе, где порнография поставлена на философско-психологический уровень* (ЛП 486).

Армалинский искал новый тип порнофильма, который бы соединил, казалось бы, несопоставимое: *небывалое единение ебли и мысли*, так, чтобы он в равной степени привлекал как поклонников порно, так и интеллектуалов. Он также нашел правильное решение для композиции фильма, чтобы голос Пушкина за кадром читал соответствующие отрывки из ТЗ, и тем заменял бы музыку и стоны, характерные для порнофильмов.⁸⁸

⁸⁷ Подробная информация об этом издании: <http://www.mipco.com/SJAd.html> (Примечание переводчика)

⁸⁸ Два года спустя Армалинский выпустил аудиокнигу ТЗ (см. <http://www.mipco.com/win/DiskTZ.html>), в которой он *читал текст голосом Пушкина*. Учитывая его словесную сексуальную игру, мы можем предположить, что аудиокнига должна была заглушать стоны, его и публики во время их полового акта.

Он считал, что такой фильм имеет потенциал стать *революционным проектом в кинематографии*, и далее добавил, что *фильм по ТЗ может стать первым фильмом, где порнография “реабилитируется” философией любви к ебле* (ЛП 487).

После этого Армалинский предложил продать право на экранизацию ТЗ и предоставил Прянишникову решение в выборе режиссера, актеров и продюсеров для фильма. Однако сотрудничество не удалось, когда Прянишников задал вопрос: *Как Вы можете продать мне права на текст, написанный Пушкиным?* и напрямую отказался работать с ним (ЛП 489).

Этот эпизод в порнографическом произведении Армалинского показывает, что ТЗ являются сценарием, уже готовым к экранизации.

Тайные записки начинаются с самого конца (смерти) – дуэли Пушкина и Дантеса, что нетипично для такого жанра, – а потом описываются предшествующие события: *Судьба сбывается – я вызвал Дантеса на дуэль* (ЛП 13). Этот факт знаменует собой начало порно битвы, когда Армалинский решает бросить вызов на дуэль советской общественности, опубликовав ТЗ в 1986 году. Армалинский вступает в ритуальное словесное общение с публикой через исповедальную игру, в которой проблема секса как истины, является фундаментом для возведения его сексуального бытия: *...я не могу удержаться, чтобы не поведать свою душу бумаге, и в этом есть неизлечимая болезнь сочинительства... современники убьют меня за откровение души, за истинное откровение, если они проведуют о нём* (ЛП 13).⁸⁹

Как подробно изложил Фуко в *Истории сексуальности*, именно в исповеди как ритуальном словоизлиянии *истина и секс соединяются, через неизбежное и детальное выражение личной тайны*.⁹⁰

⁸⁹ Религиозная исповедь происходит на русском языке. Но, скорее всего, Армалинский намеренно использует слово «откровение», чтобы оно звучало квазимистически (ср. «Откровение Иоанна Богослова» в *Новом Завете*).

⁹⁰ Michel Foucault. *The History of Sexuality*. Vol. 1. New York: Random House. 1978, 61.

Признание поддерживает ритуальные словесные отношения между говорящим и властью, *которая требует признания, предписывает и ценит его, и вмешивается, чтобы судить, наказывать, прощать, утешать и примирять* (Фуко, 61).

Хотя признание изменяет самого говорящего, поскольку оно очищает и освобождает его, в то же время, обязательность признания наделяет слушающего властью и силой. Слова Пушкина раскрывают, что в сознании Армалинского существует образ советской критики, которая может пронзить его, как ножом, и быть для него, писателя, смертельной. Однако, предпринимая все свои многочисленные ухищрения, Армалинский остаётся порнографическим писателем, для которого это означает необходимость говорить правду о себе и признаваться в своих тайных сексуальных фантазиях.⁹¹ Правде Пушкина-Армалинского трудно найти свой путь к общественности, потому что только «всевозможная ложь принимается и признаётся легко и бездумно» (ЛП 14). Поэтому Армалинский намерен проникнуть в литературу откровенными ТЗ, пошатнуть основы социалистического реализма и раскрыть ложь советской идеологии.

Увидев впервые N.⁹², Пушкин понимает, что *случилось, неотвратимое.* (ЛП 14)

Несмотря на свою убежденность в том, что брак с Натальей не принесет ему ничего хорошего (*из женитьбы ничего хорошего не выйдет*), Пушкин решает жениться на ней, руководствуясь мыслью, что *в конечном счёте мы сами себе предсказываем судьбу* (ЛП 14). Амбициозный Армалинский становится хозяином своей собственной судьбы, когда вступает в законный (или незаконный) союз со своей *невестой* и публикует *Тайные записки*.

⁹¹ Армалинский пишет роман *Добровольные признания – вынужденная переписка* (1991), в котором он продолжает эту исповедальную игру через Бориса, русского писателя-эмигранта в Америке, который рассказывает правду о своих порнографических приключениях в переписке со своим другом Сергеем из СССР.

⁹² N. означает Наталию в ТЗ.

Как только он видит рукопись у себя в руках, Армалинский осознаёт неизбежность её существования. Причины этого шага далее поясняются: *Жажда полного счастья привела меня к женитьбе. ... Это была попытка убежать от себя, не способного измениться, не имеющего характера стать иным.* (ЛП 14).

Так рождается новый Армалинский в причастности к ТЗ, чья намеренная открытость основана на соглашении Пушкина и Н. в первые дни их брака не скрывать друг от друга даже самые сокровенные мысли.

Первый сексуальный опыт супругов вращается вокруг познания друг друга: *я учился языку, на котором говорит её тело, а Н. училась откликаться не только на мой язык.* (ЛП 15).

Армалинский умело использует в ТЗ свой непристойный язык, и делает книгу орудием как своей словесной, так и сексуальной силы. Но не только усердие в постижении языка наслаждений и телесная красота Н. доставляют радость Пушкину. Столь же захватывающим было для него наблюдать за Н. в туалете, где женщина раскрывается как объект естественного извращения: *Запахи и звуки ею издаваемые, всё, что из неё исходило, наполняли меня вожделением* (ЛП 18).

Фигурально выражаясь, вся грязь, вываливающаяся из ТЗ, вызывает у Армалинского только жажду дополнительного сексуального наслаждения, которое он получает от читательских отповедей.

Женившись на Н., Пушкин теряет к ней интерес, ему становится скучно, и он решает отправиться в новое эротическое путешествие:

Через два месяца я выучил её наизусть как любовницу, и она больше ничем не удивляла меня. ... Сладость новизны всегда быстро теряла для меня свою прелесть, и я, не задумываясь, менял любовниц или прибавлял к одной другую (ЛП 19, 21).

Женщина воспринимается как предмет искусства, который, будучи однажды изученным, становится неинтересным:

Мне всегда приятно и радостно на неё смотреть, но она перестала влечь, волновать меня. Я смотрю на неё как на произведение искусства... (ЛП 29).

Пушкин выбирает сестер N. в качестве новых наложниц в свой «гарем». Женщины и книги имеют одинаковый статус в поэтическом мире Пушкина-Армалинского.

Моя библиотека – мой гарем, – утверждает Пушкин и далее развивает связи между его книгами и женщинами: раскрыть страницы книге всё равно, что развести ноги женщине – знание открывается твоему взору (ЛП 55).

Детские воспоминания Армалинского говорят о тех же ассоциациях, которые он испытывал в публичной библиотеке: *Меня охватило чувство, будто я попал в гарем с тысячью красавиц, с раздвинутыми для меня ногами. (Максимализмы, 516).*

Подобно тому, как Армалинский теряет интерес к женскому телу, после того, как его *выучил наизусть*, он в ТЗ чувствует, что готов к описанию новых порнографических приключений. Свояченицы Пушкина и другие женщины, которыми он овладевает – это, очевидно, другие книги Армалинского, которые он пишет, помимо ТЗ, чтобы воздвигнуть гарем из собственной порнографии.

Идея моногамии и верности одной женщине ужасает Пушкина, больше, чем мысли о собственной смерти:

Я смотрел на кинжал, мирно висевший на стене, и думал, что и мне больше не видеть «любовного боя» и не чувствовать запаха горячей крови (ЛП 21).

Чтобы получить хотя бы временное облегчение, Пушкин обращается к своим сексуальным фантазиям и воспоминаниям об оргиях у Z.

Внимательное рассмотрение этого эпизода в сексуальной жизни Пушкина указывает на решимость Армалинского взять кинжал (который символизирует его фаллос) и воткнуть его в советскую общественность на поле битвы порнографии.

Если женщина и книга нераздельны у Армалинского, то Z. принимает черты *Паранушкинистики*, книги, в которой происходят разнузданные наслаждения.⁹³

Z. изображена как женщина, чье сексуальное желание никогда не может быть полностью удовлетворено одним мужчиной (*Z. мечтательно призналась мне, что в ней сокрыто столько возможностей, что она легко представляет себя со многими мужчинами одновременно*) (ЛП 22).

Это побуждает Пушкина найти себе помощников в любовном свидании с ней. Пушкин организует оргии, где он выступает в качестве церемониймейстера, который объясняет правила поведения и дает указания своим помощникам: *она встретит нас голая и с маской на лице. Она не произнесёт ни слова, чтобы голос её не был узан, и при необходимости, она будет говорить только со мной, шепча мне на ухо* (ЛП 22).

Строгий приказ, который он дает своим партнерам, заключается в том, чтобы держать в тайне личность Z. и *не пытаться узнать имени нашей любовницы* (ЛП 22).

Соратники Пушкина появляются в следующем порядке: первым идет А., затем К. и, наконец, два молодых безымянных племянника А. В этих «соучастниках преступления» Пельцмана узнаются как члены группы М.І.Р.: Армалинский, Castle (по-русски Касл) и два Соколовых, все объединенные сохранением тайны о Z.

Для Z. самое главное, чтобы мужчины синхронизировали ритм своих тел и действовали как одно целое: *Я хочу чувствовать... что меня ебёт один умелый мужчина со множеством хуёв, а не кобели, которые только и думают, как бы побыстрее кончить* (ЛП 23).

⁹³ Z. может быть и Зинаидой Волконской, хозяйкой знаменитого литературного салона, который посещали Пушкин, Адам Мицкевич и другие.

Это желание воплощается в явлении Пельцмана в обществе как мужчины с многочисленными фаллосами (обликами/именами), которые одновременно выполняют синхронные движения. Кроме того, он должен использовать различные с возбуждающие приёмы, с помощью которых он держит женщину на высоком уровне сексуального наслаждения.

Максимальная эффективность совокупления обеспечивается мужской «тревогой о качестве сексуальной работоспособности», которая возникает от понимания, что от него требуется удовлетворять свою партнершу. Эта тревога относится также к преждевременному семяизвержению⁹⁴, и вместе со страхом полной неудачи в половом акте определяет умение Пельцмана сдерживать наступление оргазма, которым его вымышленный Пушкин обладает в полной мере: *Но я умею держаться долго* (ЛП 47).

Как и Пушкин, Армалинский берет на себя ответственность руководить и быть дирижером, задающим ритм другим, которые должны подчиняться: *Подчинение моим указаниям будет ещё одним условием их участия в оргии, помимо сохранения тайны* (ЛП 23). Он дирижирует движениями, чтобы Z. достигла высокой степени возбуждения, и в какой-то момент они становятся произвольными и длятся в течение оргазма. (*Стал подступать конец. Z. ...стала двигаться быстрее, и мне уже не пришлось командовать*).⁹⁵

Слаженно двигаясь, они медленно создают *любовное произведение*, и как только Z. достигает оргазма, все мужчины одновременно извергают в неё семя, в то время как она проглатывает сперму Пушкина. По мере того, как её тело наполняется их спермой, Z. превращается в художественное произведение: *Я смотрел на неё, как на наше общее творение* (ЛП 25). Подобным же образом, Парапушкинистика возникает как коллективное творение, будучи оплодотворённой словесной спермой группы Пельцмана.

⁹⁴ *Human Sexual Response*, p. 200-203.

⁹⁵ *Human Sexual Response*, p. 299.

Убежденность Пушкина в том, что художник не может жить без трепета, понимаемого как эротическое наслаждение, возникающее только вне брака, побуждает его *преступить закон*, выйдя из моногамного союза с женой. Он пытается исполнить свои эротические мечты с проститутками в борделе. *Преступив раз, я уже не мог остановиться* (ЛП 34) признаётся Пушкин, пытаясь оправдать свою неверность тягой к новизне (*Каждая женщина кончает по-своему, и у всякой – неповторимая сказка пизды...*) (ЛП 58) и новым тайнам женского тела (*у всякой пизды своя тайна и, раскрыв одну, вовсе не значит, что ты познал всю Тайну*) (ЛП 30).

Так каждая из книг Армалинского раскрывает лишь часть его порнографической поэтики; каждая содержит долю тайны его умело созданной стратегии борьбы с советским обществом, и только если их сложить, как пазл, они вместе смогут поведают всю *правду*.

Бордель стал местом, в котором произошло *роковое знакомство*, где Пушкин встретит своего соперника Дантеса. Страсть к вуайеризму влечёт Пушкина к наблюдению за совокуплениями Дантеса с женщинами и к осознанию того, что наблюдения за движениями других тел доставляют ему особое сексуальное наслаждение и удовлетворение:

Я убежден, что в мире нет прекрасней картины, чем вид хуя, ныряющего и вынырывающего из пизды. А увидеть это во все глаза можно, только наблюдая со стороны. Когда ебёшь сам и отстраняешься, чтобы посмотреть на чудо, ты всегда видишь зрелище сверху... Поэтому, как зрелище, меня больше волнует чужой хуй, входящий в пизду, чем свой собственный. (ЛП 35).

Порнография – это точка зрения зрителя. Место действия борделя из ТЗ можно интерпретировать как бордель русской прессы, в котором Армалинский встречает своих убийц, чья резкая критика, описанная им как дрожащие и трепещущие движения тела, обостряет его вуайеристские

желания, от которых он, несомненно, получает сексуальное удовлетворение. Пельцман, в конце концов, покидает сцену, чтобы иметь полную картину действия, оставляя своих самых мужественных двойников руководить словесными оргиями. Порнография начинается, когда субъект дистанцируется от сексуального акта (и России), чтобы наблюдать за другими, участвующими в нем.

Мужское соперничество и ревность составляют отношения Пушкина и Дантеса. Пушкин выказывает свою обеспокоенность всякий раз, когда Дантес приближается к Н. (*у меня такое чувство, что он ебёт её*) (ЛП 37), переживая, что она может с радостью *проглотить его семя*. Хотя Пушкин допускает, что она была бы счастливее с Дантесом, он не может представить свою жену с другим мужчиной (*Я не могу позволить жене иметь любовника*) (ЛП 44).

Армалинского охватывает сладкое предвкушение, что если советская общественность поведётся на его публикацию, то она может броситься на него с оскорблениями и всякими пакостями.

Армалинский изображает Пушкина как патриархального мужчину, который относится к женщине как к собственности (*любой мужчина, обладавший женщиной, имеет над ней пожизненную власть.*) (ЛП 45), подобно утверждению права собственности на ТЗ и оправданию своей борьбы за авторские права.

Мужчина берёт на себя ответственность защищать свою женщину от хищных мужчин, хотя и не уверен, стоит ли это того:

чем красивее жена..., тем больше людей наблюдают за ней, тем больше кобелей ждут своей очереди. Не слишком ли это дорогая цена за владение красотой, которая перестала тебя волновать?» (ЛП 72).

Армалинский защищает своё владение от массовой атаки *кобелей*, о которых Z. отзывалась как о плохих любовниках, но они, тем не менее, одержимы страстью к его делу, которую сам он уже утратил.

Я не могу винить Дантеса за его страсть к N.», – утверждает Пушкин, я просто завидую его страсти, которой сам лишился (ЛП 70).

Пушкин обнаруживает, что Дантес – гомосексуалист, страдающий венерическим заболеванием, и убеждает других, что *Дантеса используют как женщину*.

О том, что Дантес предаётся содомскому греху, стало известно в свете мне первому, и я с радостью сделал эту новость достоянием общества. (ЛП 43)

Подобным образом, Армалинский диагностирует болезнь под названием «Пушкин» у российского общества, которое просит, чтобы его использовали, как женщину.

Советское общество из-за публикации ТЗ оказывается сексуальным субъектом, стремящимся к наслаждению в словесном соитии с Армалинским. Возбуждение Дантеса от возможности любовного треугольника (он, N. и Пушкин), в жирардовском⁹⁶ смысле этого слова, говорит о его желании добраться до Пушкина посредством N.: *Нет приятней знакомства для мужчин, чем через посредство одной женщины. (ЛП 78).*

Несмотря на то, что он делает всё возможное, чтобы держать N. подальше от Дантеса, Пушкин становится посредником их символического общения, когда однажды он пользуется любовницей Дантеса и через неё заражается гонореей Дантеса (французским насморком), которой он затем заражает N.

Тайные записки Армалинского пропитаны искренней любовью и обожанием Пушкина (что, по своей сути, является эгоистичной, эгоцентричной любовью), чем он заражает своё творчество, как болезнью,

⁹⁶ René Noël Théophile Girard 1923-2015 – французский писатель, литературный критик, основатель философской антропологии. (примечание переводчика)

подхваченной от русской культуры.⁹⁷ «Французская болезнь», таким образом, проявляется как лингвистическое мифотворчество и как советский язык, который Николай Павлович переводит на новый русский язык – порнографический жаргон Армалинского.

Согласно Успенскому, нецензурная лексика создается в мифологическом процессе перевода собачьего языка на человеческий язык (при этом собака предстаёт как демоническая сила (нечистая сила), которая развращает землю, мать) (Успенский, 49). Так, подобно кобелю, язык Дантеса превращает мат в язык нового порно-человечества.

Армалинский охвачен волнением из-за своего желания противостоять культурным традициям и сексуальным запретам, но тем не менее, он решительно направляется в театр военных действий (*...надо признаться, что безудержность моих желаний доконает нас, и я стараюсь это скрыть ото всех, затыкая рот всякому, кто осмелится сказать что-либо предосудительное*) (ЛП 77).

После того, как стратегия войны разработана и войску «уланов» отдан приказ⁹⁸, больше нельзя тратить время, дуэль должна состояться: *Поэтому мне следует с ним драться немедленно* (ЛП 49), то есть ТЗ должны быть представлены русской общественности. В эйфории воина, готового к битве, он заявляет, что любит ярость, *Я люблю ярость... Она даёт мне волю, которая делает меня готовым к убийству.* (ЛП 93), но он задается вопросом: *... кого мне прежде убить, её или Дантеса»* (ЛП 94).

⁹⁷ Для некоторых любовь Армалинского к Пушкину кажется даже излишней: *...Твою книжку о Пушкине я читал давно. Она симпатична, актуальна и чуть скучна, я б написал жёстче. Это имя превратили в бесполой государственный чугун и после Вересаева ты один отважился поссать на этот лакированный монумент. Прелестно! Но мало, вот от чего я грустил. Чтоб очистить его стихи от наёмных и платных пушкинистов, нужно взорвать тысячи тонн говна, а ты чрезмерно нежен, эстетичен, чувствителен, слишком любишь Его.* (Виктор Соснора, ЛП 747).

⁹⁸ Помощников в оргии в Z. Пушкин именуется «уланами», имея в виду солдат кавалерийского полка, вооруженных саблями, пистолетами или пиками (фаллические свойства).

В любом случае, Армалинский предстает как «убийца», который убивает своим фаллосом, а не ружьём. Даже во время своего последнего оргазма перед дуэлью он придал образ оружия «стреляющему» члену: *каждый выплеск семени мне казался выстрелом* (ЛП 96).

Заключение

В ТЗ скрыт проект плана войны Армалинского против Советского государства, в котором он закодировал координаты своего военного штаба, расположение своей армии на фронтовой линии и военные действия, которые они готовятся начать. Вооруженные силы собраны на военной базе, под названием М.И.Р .

Помимо допущения, что М.И.Р. – это сокращённая форма Михаил Израилевич Пельцман, детские воспоминания Армалинского предполагают, что это может также означать Военную Имперскую полицию, главного врага советского режима: *В моё время врагом был американский империализм, который хотел нас развратить (Максимализмы, 477).*

Михаил в юности написал пьеску, в которой Военная полиция империалистической Америки и Советский Союз вступают в бой:

Там фигурировала Military Police империалистической Америки. Буквы МР на касках я увидел на карикатурах..., не понимая их сути, но мы нарисовали их на картонных нахлобучках для обозначения империалистов. Разумеется, в сценарии были и какие-то советские герои. (Максимализмы, 471).

Поскольку ничего из текста этой пьески не сохранилось в памяти Армалинского, ТЗ может предстать новым сценарием на ту же самую тему и с теми же персонажами. Михаил создаёт собственное издательство М.И.Р., базирующееся в Америке, то есть коварного врага, объявляющего Советской России войну, которая официально начинается с его публикации ТЗ.

Образ Армалинского, борца за свободу и за новый миропорядок, основан на типичной модели героя – советского революционера «человека-зверя», наводнившей литературу 1920-х годов (например, *Конармия* Бабеля).

Подобно атакующему бойцу, он использует ТЗ с их антисоциалистической

идеологией порнографии в качестве фаллоса, чтобы изнасиловать российскую общественность. Его неоднократные попытки проникнуть на советский/российский рынок, чтобы оплодотворить русскую землю своими порнографическими семенами, напоминают сексуальные посягновения патриархального мужчины, который видит в женщине лишь сексуальный объект, и её надо взять с согласия или без.

Подход Армалинского к телу общественности раскрывается через особые вербальные приемы, которые есть не что иное как фаллоцентричные намерения по подавлению женского сопротивления с помощью принуждения и изнасилования. Как указано в *Путешествии в сторону*, агрессивность возникает из сексуальной неудовлетворенности. Цензура, таким образом, пробуждает агрессивное поведение Армалинского, которое он демонстрирует ещё мальчиком, чьё эротическое желание не было удовлетворено (*я слышал, как моя мама, доверительно предупредила мать Доры, что я, мол, агрессивный мальчик. (Максимализмы, 444).*⁹⁹

По словам Армалинского, *да, война — это плохо, но побочный продукт войны — свободная и массовая ебля — это хорошо. (Максимализмы 339).* Однако, в конце концов, он знает, что *«Ведь согласно уставу, защитнику родины полагается стрелять только из автомата и пушки, а не из хуя. (Максимализмы 340)*¹⁰⁰

⁹⁹ В своем первом эротическом рассказе *Жертва* (1966) Армалинский изображает сексуально неопытного молодого человека, не знающего, азов секса, пытающегося агрессивно вести себя с женщиной. Приведя девушку домой, молодой человек, как будто находясь в состоянии войны, разрабатывает стратегические наступательные действия. Он использует военную терминологию, чтобы выразить свое сексуальное желание и готовность завоевать женское тело, даже не предполагая согласия девушки: *Я уже был в состоянии наивысшей боевой готовности и едва сдержался, чтобы не изнасиловать её.* (опубликовано в General Erotic N188 <http://www.mipco.com/win/GEr188.html>).

¹⁰⁰ Цитата из рецензии Армалинского на книгу Dr. Magnus Hirschfeld's book, *The Sexual History of the World War*, опубликованную в General Erotic N222 <http://www.mipco.com/win/GEr222.html>

Однако, похоже, что в своей *бескровной революции*¹⁰¹ Армалинскому удается объединить эти два диалектически противоположных типа оружия в своем вымышленном персонаже Пушкине, который появляется и как пушка (по его фамилии), и как мощный член, который символически пуляет во врагов, чтобы защитить Россию-матушку. Вся словесная порнографическая игра Армалинского разворачивается как сублимированный вариант сексуальной тоски ребенка по матери и желания убить отца, олицетворяющего закон, а именно, социалистический реализм.

Поэтика порнографии Армалинского построена на борьбе любви-ненависти со всем, с чем он вступает в контакт – это Россия, социалистический реализм, советская идеология, женщины, вагины, техника, книги и т. д.

В терминах Фрейда, принцип удовольствия и принцип смерти метят порнографию Армалинского, поскольку его фаллический словесный маятник постоянно раскачивается между Эросом и Танатосом, самосохранением совокупления и повторным агрессивным самоуничтожением. Чтобы проиллюстрировать свой оргазменный грандиозный финал в этой отчаянной битве, Армалинский в 2003 году имитирует свою смерть и представляет её как великолепный конец выдающегося ёбаря, умирающего во время оргазма, с несколькими женщинами.¹⁰² *Секс стоит того, чтобы умереть*, – утверждает Фуко и доказывает, что именно в этом смысле секс действительно пронизан инстинктом смерти (*История сексуальности*, 156). Продолжая играть роль Человека-Бога, Армалинский якобы умирает только для того, чтобы воскреснуть и начать свою сексуальную игру заново.

Армалинский воскрес! Воистину воскрес! – объявляет он вскоре после грандиозного возвращения и продолжает свои сексуальные трюки. Представляется, что российская общественность служит для Армалинского лабораторией для экспериментального исследования сексуальных реакций в

¹⁰¹ *Творю бескровную революцию* произносит Борис, автор порнографической литературы, в *Добровольных признаниях – вынужденной переписке*.

¹⁰² *General Erotic*, № 101, 27 октября 2003 г. <http://www.mipco.com/win/GEr101.html>

течение долгого времени. Он верный последователь своих учителей (Masters and Johnson) и воспроизводит их открытия где и как только может. Чтобы усилить сексуальную реакцию в обществе на свою словесную стимуляцию, он изобретает своих многочисленных двойников, чтобы с помощью частых попыток осеменить его своими идеями – соблазнить общественность, лишит её девственности, воспользоваться гениталиями и довести её до оргазма. Рост реакции общества видится как набухание женских половых органов от дрящего возбуждения, которое необходимо поддерживать в процессе совокупления.

В этом случае понятие Фуко о сексе как лингвистической категории помогает расставить главных героев этой лингвистической игры, в которой используются различные проявления силы в отношениях с властью. С одной стороны, Армалинский, который осмеливается говорить о сексе, разрушает пушкинский текст как литературный канон, извращает пушкинский миф и советскую официальную риторику, *ставит себя вне досягаемости власти, нарушает установленный закон и каким-то образом предвосхищает грядущую свободу* (Фуко, 6). С другой стороны, реакция публики на злоупотребление именем Пушкина, литературную подделку и вообще, на словесную махинацию показывает, что секс работает *согласно простым и бесконечно воспроизводимым механизмам закона, табу и цензуры* (Фуко, 83-84). В этом постмодернистском спектакле Армалинский раздевает советское тело, срывая железный занавес, которым его укрывала власть, и ему открывается кое-как слепленная советской идеологией словесная плоть, которая оказывается хрупкой и израненной в битвах.¹⁰³ Армалинский берёт только полусгнивший скелет и оставляет на нём лишь гениталии, манипулируя которыми, он воссоздает советскую утопию, дав рождение словосотвотврённому Новому Порно Человеку. Это месть еврея, и созданная

¹⁰³ Lilya Kaganovsky показывает, что в сталинской модели идеального мужчины одновременно существуют две формы мужественности: гиперболически сильное, здоровое, героическое, мускулистое тело и поврежденное, раненое, обезоруженное, живое тело со скелетом (*How the Soviet Man was Unmade*, Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 2008).

им порнография заставляет расплачиваться советское общество за притеснения и уничтожение его народа.

Однако раздевая тело общественности, Армалинский не скрывает и себя, включая свои интимные части, несмотря на разные методы маскировки. В своей порнографии Армалинский обнажает себя буквально до костей – так, на обложке сборника рассказов *Мускулистая смерть* изображен рентгеновский снимок головы Армалинского.

Он – человек современного западного общества, который посвящает себя бесконечным обсуждениям секса, и, согласно Фуко, становится *исповедающимся животным*, которое своей чистосердечной порнографией превращает *властную тайну* сексуального «я» в абсолютную и единственную истину. По Фуко, секс это *та сила, которая властвует над нами, и та тайна, которая указывает на то, что мы есть* (155).

Однако Истина у Армалинского не находится в руках непосредственного участника полового акта, а является через восприятие наблюдателя. Порнография творится не в наблюдении за самим половым актом, а скорее в крупных планах соответствующих образов, как в порнофильмах. Армалинский, мастер своего дела, создает то, что невидимо самим актерам порно. Свою идею он подкрепляет словами Есенина из стихотворения *Письмо к женщине* (1924), *лицом к лицу лица не увидать – большое видится на расстоянии*, и усиливает это иронией – *из Америки*.¹⁰⁴ Можно легко представить Пельцмана, держащего камеру, снимающего крупным планом части совокупающихся тел (его псевдонимов и публики) и движения гениталий во время орального, вагинального и многоотверстного секса со всех возможных ракурсов. Затем снятые им кадры монтируются в студии M.I.P. и поставляются как новаторское высокохудожественное произведение, порнофильм, который можно было бы назвать: *Parapushkinistika: From America with Love*.

¹⁰⁴ *Добровольные признания – вынужденная переписка*, 798.

Теологическая концепция Армалинского исходит из его одержимости реализовать сексуальное знание и истину.

Возносясь на небесные высоты, он призывает к любви, свободе, сексу, оргазму и т. д., и предстаёт повелителем, человеком с абсолютной властью, устанавливающим правила, и Армалинский провозглашает новую порно-теологию, которой он учит, выступая подобием святого единства и гендерного равенства.

Женоненавистничество в религиозной словесности Армалинского оправдывается раболепным поклонением мужчины божеству, называемому влагалищем, в котором сокрыта Абсолютная Истина.

Его Пушкин видит *лицо истины*, когда ему выпадает счастье познать влагалище, и только тогда он может осознать, что его судьба – *служить этому Божеству, Богине – Пизде* (ЛП 18–19). Чтобы открыть Истину, бог-фаллос проникает в богиню-влагалище, чтобы вместе станцевать их смертельный танец на минном поле. Армалинский-бог громовержет непристойностью (это символизируют совокупление с землей – см. Успенский, 40), чтобы увековечить священный брак неба и земли, или двух совокупающихся божеств, исполняя сексуальный ритуал со святой русской землей, чтобы оплодотворить её порнографическим семенем. Это мифологическое соитие приобретает дополнительные ритуальные свойства, поскольку оно обычно происходит в праздник (годовщины рождения и смерти Пушкина), что является ещё одной популярной социалистической традицией.

Дальше следует абзац-связка со второй главой, посвящённой Эдуарду Лимонову.

ДОПОЛНЕНИЯ

Из вступления к диссертации

Порнография на закате СССР

...Эпистолярный роман Михаила Армалинского *Добровольные признания – вынужденная переписка* (1991) представляет собой длительную переписку между Борисом, русским писателем-эмигрантом в Америке, и его лучшим другом Сергеем из СССР. Речь Сергея предстаёт как эхо официальной советской идеологии и фразы «у нас нет секса»¹⁰⁵, которая противостоит откровенно порнографической речи Бориса. В отличие от Бориса, который весьма детально и открыто описывает каждый эпизод своей сексуальной жизни в Америке, Сергей почти не упоминает о своих связях с женщинами и, конечно же, не использует мат. Прочитав стихи Бориса, Сергей высказывает свое неодобрение его непристойному языку:

Матерное слово в стихе – как взрыв среди концерта, как чернильная клякса на акварели – перестаёшь видеть картину, видишь только кляксу. Не пытаюсь навязывать своё мнение, но и себя изменить не могу.

*Когда я вижу мат в стихах, стихи для меня превращаются просто в порнографию, и я не могу относиться к ним серьёзно.*¹⁰⁶

¹⁰⁵ «У нас секса нет» – эти слова выкрикнула советская женщина в пылу спора, во время одном из первых американо-советских телевизионных «мостов» в период перестройки. С этого момента эта фраза использовалась как популярная формула для обозначения отношения к сексу во всех коммунистических и посткоммунистических государствах, в смысле, что советские люди выросли под лозунгом: «В СССР секса нет».

¹⁰⁶ Михаил Армалинский, *Чтоб знали!: Избранное 1966-1998*, М.: Ладомир, 2002, с. 779-780.

Разница между их лексиконом обнажает ещё одно противостояние между Советской Россией и Западом – жесткой цензурой и свободой слова. В позднесоветской России открыто сексуальная речь все ещё подавлялась, и поэтому поиск эвфемизмов вместо явных непристойных слов (*пизда, хуй, ебля*), которые Сергей далее предлагает использовать Борису, представляет собой типичный советский подход к решению сексуальных тем. Секс всё ещё был *the elephant in the Soviet room*.¹⁰⁷ Умалчивание и отрицание сексуальности и непристойности в повседневной советской жизни сильно повлияли на развитие литературы, содержащей откровенные сексуальные образы...

Для Бориса эта переписка с Сергеем является возвращением к его собственному и коллективному советскому прошлому:

Ты – доказательство моего прошлого... Общее прошлое – это фундаментальная основа глубины общения. (727).

Используя непристойные слова, Борис стремится вернуть им их изначальный смысл, который они имели до христианства, когда они не считались непристойными, то есть его цель – *реабилитировать* их:

Если относиться к пизде с открытой любовью, то и само слово «пизда» очистится от приписываемой ему грязи и засверкает чудом. (783).

Он видит, что отношение общества к вагине подобно отношению к евреям и проводит параллели между еврейской и генитальной терминологией, переходя от самой резкой к политкорректной: «*пизда – жид*», «*влагалитце – еврей*», «*женские половые органы – иудей*» (Там же.).

¹⁰⁷ Дословный перевод: *Слон в советской комнате*. Обыгрывается американская идиома *elephant in the room* (слон в комнате), означающая очевидный факт или известную проблему, которые пытаются не замечать. (Примечание переводчика)

Причина, по которой порнография существует, утверждает Борис, заключается в том, что люди хотят посмотреть на себя со стороны, а роль порнографа заключается в создании того, что невидимо для участников совокупления, а только наблюдателю; он тот, кто расставляет зеркала, и кого затем наказывают за *изображение Истины* (785-86).

Поэтому Борис предлагает новый академический термин для порнографии: «голография».

Порнография служит зеркалом для советской истории. Противопоставляя советской лжи правду слова «пизда», порнограф возвращается к *жидам*, жертвам советского режима. Реабилитируя русский мат, Армалинский реабилитирует евреев. Порнографы – это живые голоса, вторящие мертвым голосам жертв Сталина, и ощутимость их отсутствия и гибели достигается через мат.

Мат также становится формой побега от удручающего советского общества и превращается в орудие порнографических фантазий...

Жасмина Савич делает доклад на тему:

К светлому будущему –

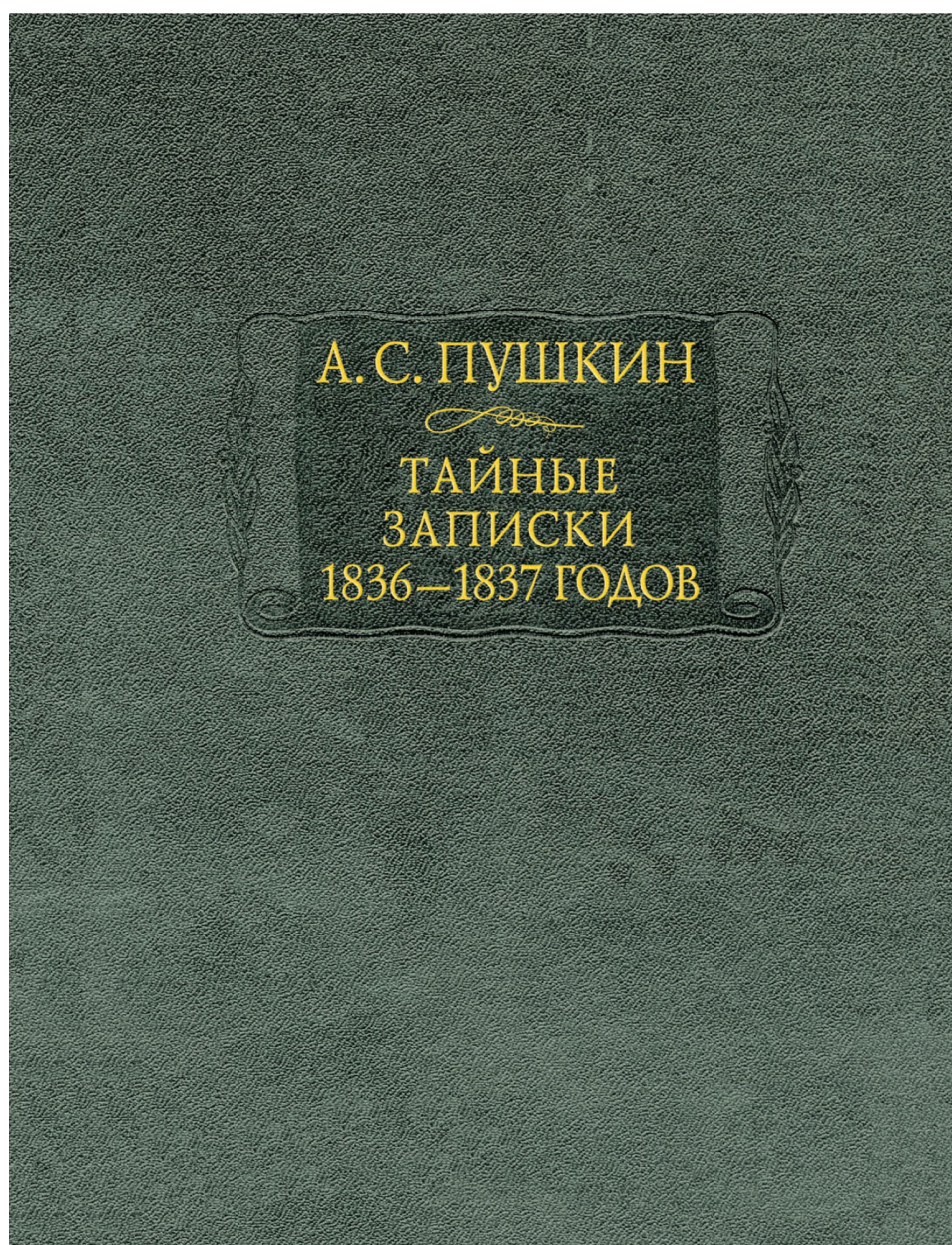
литературная революция и поэзия порнографии Михаила Армалинского
в University of Illinois at Urbana-Champaign USA, 20 сентября 2016 года

**Обложки книг Армалинского,
использованных для диссертации**

Пушкин А. С. *Тайные записки 1836–1837 годов* /

Изд. подгот. М. Армалинский, В. Курочкин. – Миннеаполис: M. I. P. Company,
2013. – 974 с., ил. (Литературный памятник) ISBN 978-0-916201-29-6

(ЛП) Первые страницы этой книги. <http://www.mipco.com/win/pushLP.html>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

А. С. ПУШКИН

ТАЙНЫЕ
ЗАПИСКИ
1836–1837 ГОДОВ

Издание подготовили
М. АРМАЛИНСКИЙ,
В. КУРОЧКИН

М. I. P. Company
Миннеаполис

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Колдуэлл Амасев, John Castle, Михаил Жарницкий, Михаил Минский,
Давид Баевский, Александр Сир, Владимир Соколов, Александр Соколов,
Владимир Мирской, Сергей Халый, Лев Левич, Евгений Спас,
Геннадий Березин, Семён Дубровский, N. Берг

Ответственный редактор
М. Армалинский

ISBN 978-0-916201-29-6

© M.I.P. Company, 2013
© РАН. Оформление серии, 1948

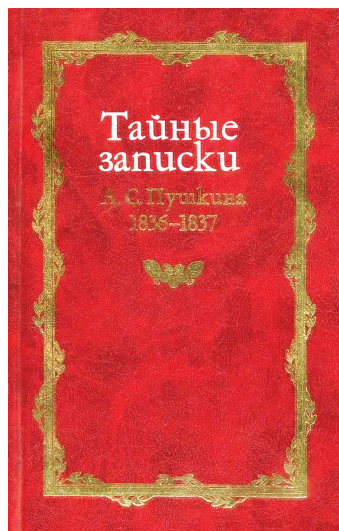
*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается*

Рентгеновский снимок головы Михаила Армалинского на обложке

книги рассказов *Мускулистая смерть*

<http://www.mipco.com/win/musk.html>

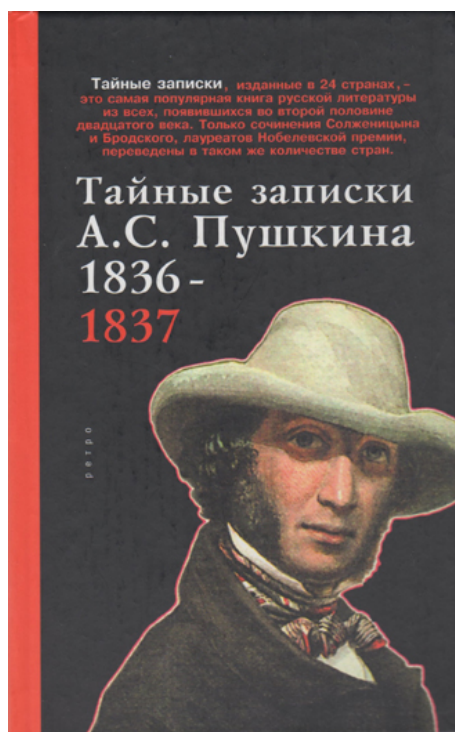
<http://www.mipco.com/win/pushrus.html>

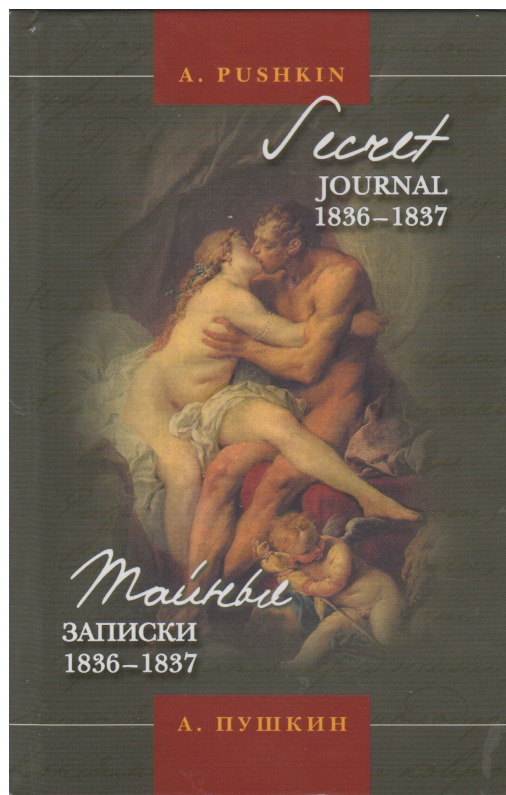

<http://www.mipco.com/win/Vozdvizhenskaya.html>

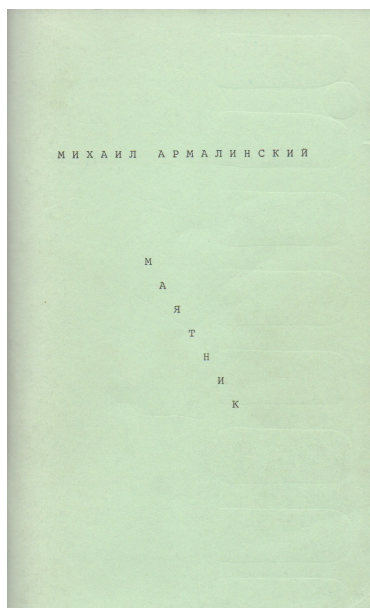

<http://www.mipco.com/win/DiskTZ.html>

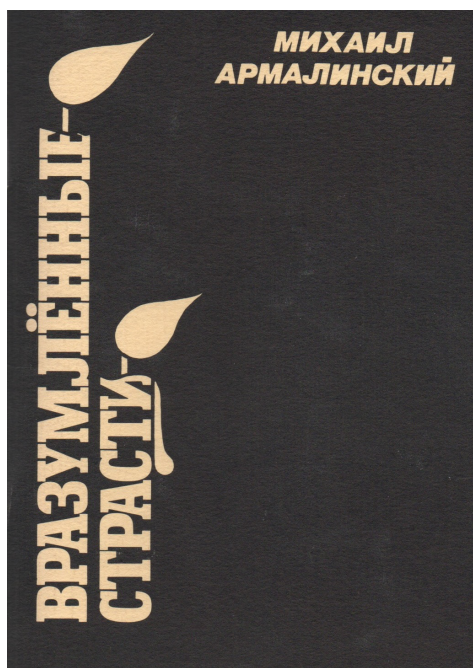

[http://www.mipco.com/win/
pushrusBiling.html](http://www.mipco.com/win/pushrusBiling.html)

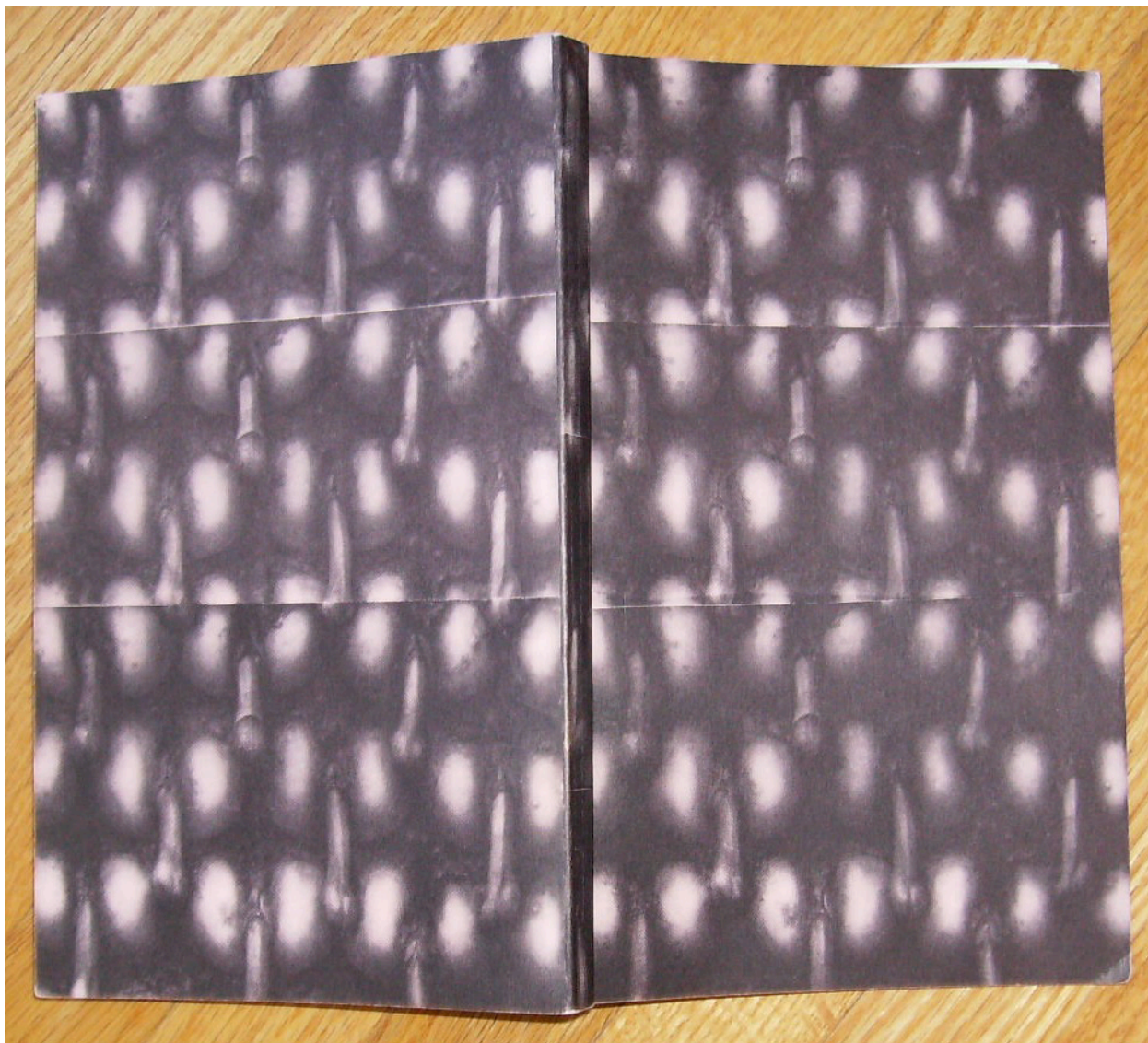
[www.mipco.com/win/
mayat.html](http://www.mipco.com/win/mayat.html)

www.mipco.com/win/str.html

<http://www.mipco.com/win/sost.html>

СОИТИЕ

Альманах русской эротической литературы

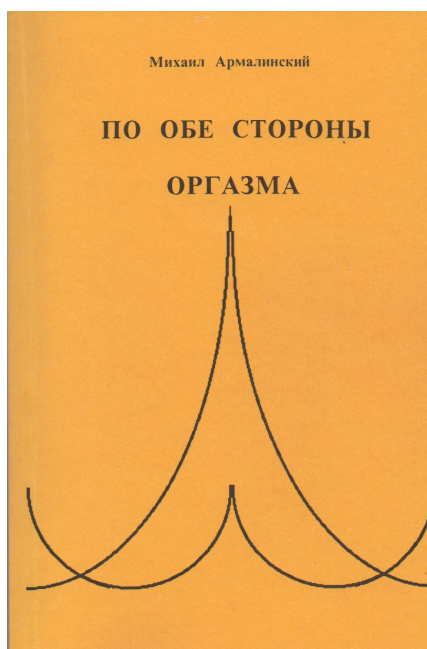
На обложке изображена репродукция с картины Н. R. Giger

Where are we coming from?

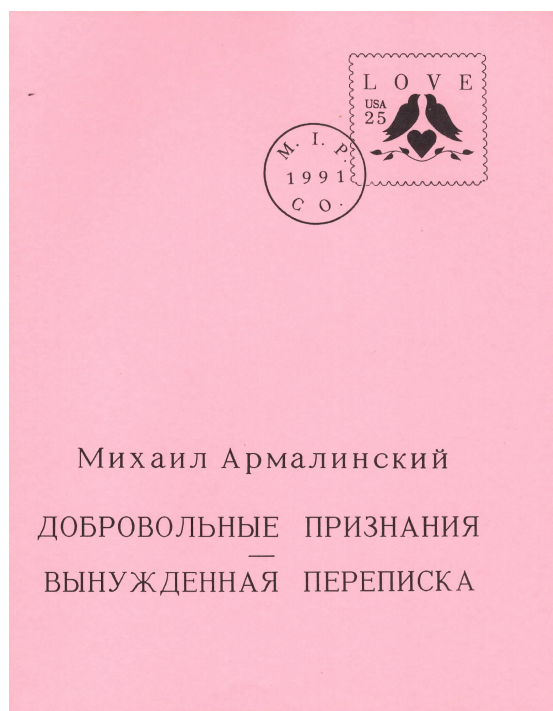
<http://www.mipco.com/win/soit.html>

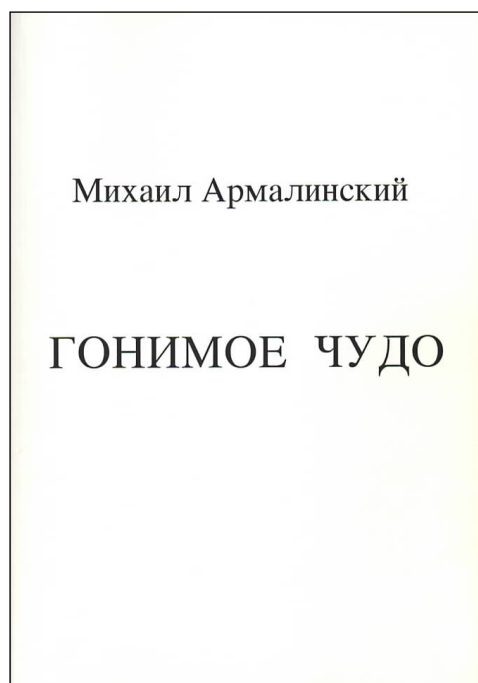
<http://www.mipco.com/win/Max.html>

www.mipco.com/win/obe.html

<http://www.mipco.com/win/dobr.html>

[http://www.mipco.com/win/
chudo.html](http://www.mipco.com/win/chudo.html)

Книги Михаила Армалинского и под его редакцией

*можно приобрести на litres.ru books.apple.com lulu.com alib.ru
а также в издательстве mirco.com
запросы посылать по адресу tr@mirco.com*

Вразумлённые страсти. Ленинград, Самиздат, 1974, 72 с Книга переиздана в США в 1980 г
www.mirco.com/win/str.html

Состояние. Ленинград, Самиздат, 1975, 94 с Книга переиздана в Канаде в 1979 г
www.mirco.com/win/sost.html

Маятник. Самиздат, 1976, 128 с Книга переиздана в США в 1978 г
www.mirco.com/win/mayat.html

По направлению к себе. Альманах, Лос Анджелес, США, 1980, - 106 с
www.mirco.com/win/sebe.html

После прошлого. Hermitage, США, 1982 -108 с
www.mirco.com/win/past.html

Мускулистая смерть. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1984 – 150 с
www.mirco.com/win/musk.html

По обе стороны оргазма. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1988 – 150 с
www.mirco.com/win/obe.html

Добровольные признания - вынужденная переписка. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1991 – 312 с
www.mirco.com/win/dobr.html

Двойственные отношения. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1993, – 68 с mirco.com/win/dvoi.html

Вплотную. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1994, 100 с
www.mipco.com/win/vplotn.html

Гонимое чудо. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1996, 130 с
www.mipco.com/win/chudo.html

Жизнеописание мгновенья. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1997 - 92 с
www.mipco.com/win/zhiz.html

Чтоб знали! М., 2002, серия: *Русская потаённая литература*. М.: Ладомир, 2002. – 860 с
www.mipco.com/win/Vozdvizhenskaya.html

Что может быть лучше? М., 2012 М.: Ладомир, 2012. – 528 с
www.mipco.com/win/Lutche.html

Аромат грязного белья. М.: Ладомир, 2013. – 584 с
www.mipco.com/win/Aromat.html

Максимализмы. М.: Ладомир, 2013. – 544 с
www.mipco.com/win/Max.html

Правота желаний. М.: Ладомир, 2017. – 512 с
www.mipco.com/win/Pravota.html

Вызволнение сути. M.I.P. Company, Minneapolis, 2021. – 640 с.
Электронная книга
www.mipco.com/win/VizSut.html

Prostitution Divine. M.I.P. Company, Minneapolis, 2014, 227 p.
https://www.amazon.com/Prostitution-Divine-Short-stories-script-ebook/dp/B00OSZVEWG/ref=sr_1_1?dchild=1&keywords=prostitution+divine&qid=1604337691&s=digital-text&sr=1-1

ПАМА и МАПА. Память о родителях. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2023 – 540 с. илл.
www.mipco.com/win/PAMA.html

Полное собрание максимализмов. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 602 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/MaxComplete.html

Полное собрание Секссе. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 474 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/SexssaysComplete.html

Полное собрание рассказов. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 797 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/StoriesComplete.html

Полное собрание стихотворений 1964 – 1997 M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 492 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/PoemsComplete.html

“Жил себе и умер себе” Переписка Алексея Шельваха и Михаила Армалинского 1984-1992 годов M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2024 – 124 с. илл.

Электронная книга

<http://www.mipco.com/win/ZhilSebe.html>

Книги под редакцией Михаила Армалинского

А. С. Пушкин Тайные записки 1836–1837 годов. (разные издания)

www.mipco.com/SJAd.html

Русские бесстыжие пословицы и поговорки. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1995, 76 с

www.mipco.com/win/bestiz.html

Детский эротический фольклор. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1995, – 92 с

www.mipco.com/win/det.html

Соитие. *Альманах русской эротической литературы.* M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1989 – 184 с

www.mipco.com/win/soit.html

Де Сад. Философия в будуаре. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1992, 1993 – 196 с

www.mipco.com/win/sad.html

Давид Баевский. Парапушкинистика. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2003 – 400 с

www.mipco.com/win/para.html

Давид Баевский. Парапушкинистика 2. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2007 – 202 с

www.mipco.com/win/para.html

Давид Баевский. Парапушкинистика 3. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2021 – 211 с

Электронная книга

www.mipco.com/win/para3.html

«Смерть. Ну и что?»

Переписка Виктора Сосноры и Михаила Армалинского. 1978 – 2019.

M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2022 – 148 с

Электронная книга

www.mipco.com/win/SosArmBook.html

«Там и встретимся». Переписка Валентины Полухиной и Михаила Армалинского. 2011-2021.

M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2022 – 150 с илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/Polukhina.html

Ольга Воздвиженская

“Нельзя, чтоб забыли...”

Составитель и редактор Михаил Армалинский

M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2024 – 311 с илл.

Электронная книга

<http://www.mipco.com/Olga.pdf>